

Виктор ТОЧИНОВ

ТВАРЬ

Тварь

Виктор Точинов

Графские развалины

«Точинов Виктор»

2005

Точинов В. П.

Графские развалины / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
2005 — (Тварь)

Не только в маленьких городишках далекого штата Мэн дремлет
ЗАТАИВШИЙСЯ УЖАС. Неведомое и ужасное совсем рядом с нами,
стоит сделать шаг не в ту сторону – и вокруг начинает твориться
БЕСОВЩИНА. Писатель Кравцов вернулся в места, где не был много лет, – и
сделал этот шаг. Карты розданы. Игра начинается. Все масти – черные. Ставка
лишь одна: жизнь. Твоя и тех, кого ты любишь. А за спиной – неслышные
шаги обретших плоть ночных кошмаров, зловонное дыхание леденит затылок,
и гниющие пальцы готовы лечь на горло... Выиграть партию – не главное.
Главное – остаться ЧЕЛОВЕКОМ.

© Точинов В. П., 2005

© Точинов Виктор, 2005

Содержание

Предуведомление автора	5
ПРОЛОГ	6
Часть первая	17
Глава 1	18
Первый Парень – I	29
Глава 2	32
Татьяна Кравцова	43
Глава 3	45
Шли по лесу гномики – I	57
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виктор ТОЧИНОВ

ГРАФСКИЕ РАЗВАЛИНЫ

Светлой памяти моего отца, Павла Сергеевича Точинова, чье детство прошло в местах, описанных в романе.

Предупреждение автора

Роман полностью основан на реальных фактах. Имена персонажей, названия некоторых организаций и населенных пунктов изменены. Также автором в нескольких случаях сдвинуты даты имевших место событий.

ПРОЛОГ

Гробокопатели. 18 июня 1988 года

Честно говоря, была в их оборудовании и снаряжении одна несообразность. И Коля Лисичкин, для которого этот сезон оказался первым, опасался: вдруг найдется поблизости кто-нибудь глазастый да вдумчивый, – заметит и сделает выводы об их малозаконной деятельности? И – позвонит куда надо?

Несообразность состояла в следующем: на «Беларуси» с экскаваторным ковшом – главным орудием раскопок – имелись большие красные буквы, извещающие, что принадлежит сие чудо техники не кому-либо еще, а именно СУ-13, то есть строительному управлению с таким вот неудачным номером. На небольшом же вагончике-бытовке, наоборот, была надпись, из которой следовало, что владельцем передвижного жилища является структура, именуемая «Главсвязьмонтаж» – хотя эти буквы терялись среди потеков ржавчины. Зато огромная аббревиатура ДРСУ-5 на спинах их спецовок виднелась издалека...

Вот Лисичкина и терзали сомнения: за кого же их должны принимать случайно проходящие мимо люди? За строителей? За связистов-монтажников? За дорожников?

Последний вариант отпадал сразу. Долина Славянки здесь широкая, километра три, но с очень пологими склонами. Дороги через нее проходили – связывали в нескольких местах расположенные наверху, вдоль берегов громадного оврага деревни... (Или не оврага? Или каньона? Коля Лисичкин слабо разбирался в топографии, но для оврага имевшая тут место деталь ландшафта была крупновата.)

Беда в том, что упомянутые дороги возникли много десятилетий назад самочинно, накатанные сначала крестьянскими телегами, а впоследствии тракторами и прочей совхозной техникой – картофельные и другие поля занимали изрядную часть оврага-каньона. Летом кое-как можно было проехать по этим грунтовкам на легковушке, осенняя распутица делала подобное мероприятие более чем рискованным... Дорожные же службы не баловали своим вниманием магистрали, отсутствующие на их картах и схемах. Игнорировали их существование. Поэтому огромные буквы ДРСУ на спине раздражали Лисичкина.

Но Стас Пинегин – организатор и руководитель экспедиции – держался с уверенным спокойствием.

– Не ссы, Лисилидзе, – покровительственно говорил он. – Здесь, слава аллаху, Ленинградская область, а не Адыгея какая-нибудь. Это там, не успеешь к кургану на бульдозере подъехать, тут же подбегут: кто такой, да есть ли бумага разрешающая, да не хочешь ли ты часом скифское золотишко втихаря замылить... А тут: роют себе люди в спецовках траншею – никто и не почешется. Роют – значит надо. Понятно?

Лисичкин кивал: понятно. Но сам продолжал сомневаться. Он завидовал непробиваемой уверенности Стаса. И многому другому в нем завидовал, в особенности же двум вещам: успеху у женщин, которого Стас добивался как-то на удивление просто, как-то вроде и не прилагая к тому стараний; и легкости, с которой тот расставался с деньгами, – и тем не менее никогда не испытывал в них недостатка.

С семнадцати лет Лисичкин, не избалованный избытком финансов и женским вниманием, уговаривал двоюродного дядьку взять его в дело. (Именно такие родственные отношения связывали их со Стасом, хоть и был тот всего на восемь лет старше.) Уговаривал, уговаривал, – и уговорил-таки этим летом.

Но все оказалось не так легко и романтично, как представлялось по рассказам родственника, от которых захватывало дух у юного Лисичкина. Рассказы те никак не передавали липкий, ползущий по хребту холодок страха. Не передавали постоянного подспудного ожидания, что вот-вот на плечо склонившегося над раскопом Коли опустится тяжелая ладонь и сухозвонкий голос поинтересуется: а чем, собственно, они тут занимаются?

Но пока – уже третий день – никаких эксцессов не происходило, Стас оставался непробиваемо спокоен, а третьему и последнему члену их маленького коллектива, Скобе, все, похоже, было по барабану.

Скоба – это не кличка, но законная, от родителей унаследованная фамилия. Ею обладал рыжеволосый парень лет тридцати, с белой кожей, к которой никак не хотел приставать загар. Скоба, отличаясь крупными габаритами, казался при этом не мускулистым и даже не жирным – но каким-то *рыхлым*. Рассыпчатым... Вид у него вечно был сонный и ко всему на свете равнодушный. Но дело свое Скоба знал и длинным языком не отличался – недаром работал у Стаса четвертый сезон, а болтуны у того не задерживались.

Дело в том, что зарабатывал на жизнь двоюродный Колин дядька профессией весьма специфичной. Она отнюдь не числилась в Едином тарифно-квалификационном справочнике, охватившем, казалось бы, все мыслимые и немыслимые специальности...

Стас Пинегин был черным следопытом.

В чем-то дело его жизни родилось с черной археологией. Именно среди черных археологов Пинегин начинал свою карьеру. Но достаточно быстро сменил специализацию, убедившись, что власти ведут самую жесткую борьбу с любителями самочинных раскопок – проводить лучшие годы за колючкой не хотелось.

Хотя многие черные следопыты тоже ходили под угрозой пары-тройки статей УК – те из них, кто промышлял сбором, восстановлением и продажей оружия, долгие десятилетия пролежавшего в земле на местах былых сражений. Стас же оружием не баловался. Ну, почти не баловался. Изредка, конечно, случалось – особенно в последний год или два, когда спрос на стреляющие и взрывающиеся предметы вырос неимоверно – на окраинах Союза вот-вот грозили вспыхнуть локальные войны, стыдливо именуемые «международными конфликтами», а вокруг крепнущего кооперативного движения вдруг зароились спортивного вида стриженные парни. (Как их называть, пока еще шли споры – не то рэкетеры, не то рекетеры...) Но специально за старыми автоматами, винтовками и боеприпасами Пинегин не охотился.

Он специализировался на вещах, в УК не упоминаемых, но за которые коллекционеры выкладывали хорошие деньги. Награды, пряжки, бляхи, прочие детали амуниции, нагрудные знаки, даже помятые котелки давали стабильный доход. Обычная солдатская пряжка с готической надписью «С нами Бог!» могла принести вполне реальные деньги – если знать, куда и к кому обратиться. Стас знал.

Но это все были семечки.

Настоящие дела начались в перестроечные годы – когда Михал Сергеевич, казалось, не спал ночами, думая, чем бы еще порадовать своего «друга Гельмута» и прочих заграничных друзей. Одним из подарков канцлеру ФРГ стало открытие в Москве и Ленинграде филиалов германских организаций, до сих пор занимавшихся розыском соотечественников, канувших в войну на российских просторах. Теперь каждый советский гражданин мог туда обратиться – предъявить пластиковый цилиндрок «смертного медальона» немецкого солдата, указать на карте, где найдены останки – и получить законную награду. Пятисот немецких марок.

Понимающие люди сразу сообразили, какой это Клондайк.

Конкуренты Стаса и его коллег – клубы «красных следопытов», проводившие раскопки в местах боев с ведома и благословения властей, сразу начали обращать куда меньше внимания на засыпанные в старых блиндажах и окопах скелеты красноармейцев. С тех какой доход? Приедут какие-нибудь старички, положат цветы на холмик ушедшего в сорок первом на фронт

отца или брата, поблагодарят со слезами в голосе, – и все. Конечно, далеко не всем затуманили глаза и совесть дойчмарки – многие «красные следопыты» продолжали делать свое нелегкое дело, не гонясь за вознаграждением. Но и поддавшихся «медальонной лихорадке» хватало.

Следопыты же черные, и до этого особым патриотизмом не отличавшиеся, поголовно начали форменную охоту за мертвецами вермахта. В местах Ленинградской области, где гитлеровцев пропало без вести особо много – в Синявинских болотах, например, – царил небывалый ажиотаж гробокопателей. Как всегда бывает в подобных случаях, конкуренция приводила к стычкам между следопытами. Дело порой доходило до стрельбы из старого, любовно восстановленного оружия...

Стаса Пинегина перспектива схлопотать пулю из какого-нибудь древнего ППШ или М-38 не привлекала. И он решил поискать удачу в стороне от объятых алчностью толпы коллег. Тем более что этой весной у него появилась интересная наводка...

...Недобрые предчувствия Коли Лисичкина сбылись. Неприятность случилась на третий день работ – хотя и оказалась несколько иного плана, чем он опасался.

Все шло как обычно. Скоба восседал за рычагами «Беларуси», манипулируя ковшом. Траншея медленно удлинялась, ползла вниз по очень пологому склону – туда, где сквозь кусты едва проглядывала узенькая ленточка Славянки. Стас двигался следом за трактором, уверенными движениями профессионала прощупывал дно длинным металлическим щупом – портативные и чувствительные металлоискатели оставались пока еще мечтой для черных следопытов (да и интересовал Пинегина сейчас не металл).

Лисичкин шагал за «Беларусью» поверху, внимательно следя, не вывернет ли ковш что-нибудь интересное. А заодно опасливо вертел головой по сторонам.

В общем, рутинный трудовой день черных следопытов. Хотя не совсем, – насколько Лисичкин понял из слов Скобы и Стаса, использование тяжелой техники стало новым словом в методике раскопок, обычно приходилось довольствоваться шанцевым инструментом да средствами малой механизации. Но здесь, в густонаселенных местах, Пинегин решил пойти в ногу с веком, – посчитав, что землекопы с лопатами вызовут куда больше подозрительного недоумения...

– Стой!!! – Истошный вопль Лисичкина перекрыл шум двигателя.

Ковш повис неподвижно. Стас одним прыжком оказался наверху. Подошел торопливо.

Это была авиабомба. Судя по всему, небольшая – впрочем, – из-под заполнявшего ковш суглинка виднелись только погнутый стабилизатор да часть ржавого бока. Лисичкин с дрожью смотрел на смертоносное железо и с трудом удерживался от спринтерского рывка – все равно куда, лишь бы подальше от находки.

– Ну, с крещением тебя, Лисельсон, – сказал Стас. Никакого волнения в его голосе не слышалось.

– «Полусотка», – констатировал вылезший из кабины Скоба. И спросил Стаса: – Потрошить будем? Или обратно прикопаем?

Судя по тону, ему было ровным счетом наплевать, какое решение примет начальник. Потрошить так потрошить, прикопать так прикопать...

Равнодушие коллег благотворно подействовало на Лисичкина. Задать стрекача хотелось уже не так сильно. Но голос еще подрагивал, когда он спросил:

– Н-надо ведь куда-то сообщить, да? Минеров вызвать?

Соратники посмотрели на него как на полного идиота. И не удостоили ответом.

Лисичкин смутился, поняв, что ляпнул не то. Но слушать рассказы Стаса об извлеченных из земли и укрошенных ржавых монстрах – это одно, а смотреть вот так на затаившуюся пятидесятикилограммовую смерть и ждать, что она в любую секунду превратится в ослепительную безжалостную вспышку – и станет последним зрелищем в твоей жизни... это, знаете ли, совсем другое. Лисичкин нервно сглотнул. Ему чудилось, что там, под изъеденным ржав-

чиной металлом, что-то постукивает. Тикает проснувшийся от сотрясения часовой механизм? Но то был всего лишь панический, отдающийся в ушах пульс Лисичкина.

– На хрен нам она? – после короткого раздумья сказал Стас. – Сколько из нее там ни вытопишь – даже бабки, что с меня за эту хреновину слупили, не отобьются...

Он кивнул на «Беларусь», где-то арендованную им на недельный срок за немалые деньги. За неделю предстояло с помощью трактора выполнить главную задачу: найти искомое и снять сверху полтора-два метра земли – и затем доделать остальное лопатами.

– Отбегите подальше и прикиньтесь ветошью, – скомандовал Стас и полез в кабину трактора.

Лисичкин вжался всем телом в небольшой пригорок, притиснулся лицом к траве – и каждую секунду ждал, что по перепонкам ударит убийственный грохот, а сверху начнут падать комья земли. И куски железа – рваного, перекрученного, с острыми хищными краями...

Скоба лежал на боку спокойно, лениво поглядывая на траншею и трактор. Выдернул стебелек тимopheевки, откусил мягкий белый кончик, остальное использовал как зубочистку...

– Не дрейфь, Лисица, – сказал он, зевнув. – Видал, стабилизатор погнут? – значит, с неба... нулась. Тогда не рванула и щас не рванет...

Стас выложил содержимое ковша рядом с траншеей ювелирно – без малейшего сотрясения. При нужде он смог бы колоть этим громоздким приспособлением скорлупу орехов, не повредив ядра – несколько лет, до того как податься в следопыты-профессионалы, работал именно на «Беларуси». Потом подозвал подчиненных.

– Бегом за лопатами! Насыпьте сверху курганчик не меньше метра высотой. Мало ли что...

Лисичкин выкладывал землю на растущую кучу не дыша, и думал, что еще одна-другая подобная находка, – и первый его сезон станет последним. Скоба орудовал лопатой со всегдашним своим равнодушием.

Неприятности имеют поганое обыкновение ходить стаями. Или косяками, или табунами, – в общем, не в одиночку. И вторая не заставила себя ждать – как-то незаметно возникла за спиной у Скобы и Лисичкина. И встала у траншеи, опираясь на тяжелую суковатую палку.

– Дорогу починаете? – проскрипела неприятность, выглядевшая как высокий и грузный старик в более чем старомодном костюме из белой парусины.

Вопрос был задан совершенно серьезным тоном, но содержание его казалось издевательским. За пару минут молчания старик самым внимательным образом рассмотрел и двоих дорожников-связистов-строителей, и их технику, и, не исключено, мог даже прочесть надпись на вагончике – шел с той стороны. Они предполагали, что с той, из-за их спин, – поскольку подхода старика не заметили.

– Кювет роете? – уточнил незванный визитер. Прозвучало это у него как «кувэт».

Второй вопрос оказался не лучше первого. Принять объект их трудов за дорожный кювет можно было, только страдая сильной близорукостью, осложненной старческим слабоумием – признаков же ни того, ни другого во внешности гостя не усматривалось.

Лисичкин почувствовал, как спина покрывается холодным потом. Мелькнула паническая мысль: он все видел! Видел бомбу!!!

– Что начальство скажет, то и копаем... – сказал Скоба, лениво орудуя лопатой. – Прикажут – хоть тебя закопаем, гы-гы...

В глупой его шутке прозвучала нотка угрозы.

Идиот! – мысленно ахнул Коля. Козел, привык к беспределу в глухих лесах, где милицию кричи – не докричишься...

Подошел Стас – недалеко отлучившийся по малой нужде. И с ходу оценил обстановку. Старик показался ему представителем породы ярых общественников, не знающих, куда девать не растраченные к пенсии силы, и сующих нос в любую щель.

– Че за базар, старче? – заговорил Стас, стараясь походить речью на работягу, дослужившегося до бригадира (при нужде он мог изъясняться и более культурным языком). – Че волну гонишь? Не врубаешься, зачем тут канава? Так брякни в управление, поспрошай – они те все растолкуют. Если ты, понятно, спрашивать права имеешь. Или в депутатский совет запрос накарябай, пришлют те казенную бумагу с полным разъяснением... А к нам не подкатывай. Что в наряде написано, то и выроем.

Зачем он так много говорит? – тоскливо думал Лисичкин. Зачем так долго отвечает на две короткие фразы старика? Настоящий работяга послал бы коротко на три буквы... А так старик точно что-нибудь заподозрит...

Но Стас знал, что делал, подробно подсказывая «общественнику» способ возможных действий. Игра была беспроязычная. Даже если старикашка быстро сообразит, куда обратиться с запросом, и даже если его банально не отфутболят – все равно никто так вот сразу не попрется в поля выяснять происхождение и назначение неведомой канавы. Если же упорство старого хрыча сдвинет дело с мертвой точки – Стас и компаньоны к тому времени закончат все дела и исчезнут.

Впрочем, на случай поверхностного любопытства облеченных властью товарищей Стас заготовил более серьезные объяснения. И кое-какие документы, – из которых следовало, что кооператив «Строитель» проводит по договору с совхозом мелиоративно-дренажные работы на арендованной технике. Понятно, что никто из руководства совхоза и действительно существовавшего кооператива тех бумаг в глаза не видел – и лежали они у Стаса надежно спрятанными, на самый крайний случай.

На старика речь Стаса не произвела никакого впечатления. Стоял, смотрел на них выцветшими глазами, молчал. Потом медленно проговорил:

– Ройтесь, ройтесь... Такое отроете, что сами не рады будете.

– Бомбу? Снаряд? – пискнул набравшийся смелости Коля.

– И они попадают... – Старик перевел тяжелый взгляд на Лисичкина. Тот не понял: неужто может попасться что-то хуже бомбы? Старик медленно кивнул головой, как будто услышал невысказанный вопрос. Надо полагать, жест этот совпал с мыслями Коли чисто случайно.

– Не время сейчас в земле копать, – сказал старик. – Подождите маленько. В конце месяца закончите.

Чего подождать? – опять не понял Лисичкин. Тут что, ожидается разминирование местности?

– Ага, подождем. Прямо бегом свернемся и ждуть усядемся, – саркастически ответил Стас. – А ты, старче, нам из своей пенсии аккорд за работу выступишь... Шел бы ты к своей старухе, а?

Старик впервые широко улыбнулся, словно шутка Стаса оказалась необыкновенно удачной. Улыбка была неприятная. Похожая на оскал. Он знает все, понял вдруг Лисичкин. И кто мы, и что ищем... Старик снова уставился на Колю, и Лисичкин понял другое – что боится этого старика. Боится не того, что тот может куда-то позвонить или кому-то рассказать – боится его самого. Вроде никакой прямой угрозы от старика не исходило, но... Бомба в ковше «Беларуси» тоже выглядела бы вполне мирно – если ничего не знать о ее начинке. Что внутри у старика есть нечто не менее опасное, чем древний тротил, Лисичкин уже отчего-то не сомневался.

– Кто ищет, тот всегда найдет. Но не всегда то, что ищет, – сказал старик после тяжелой паузы.

Он развернулся и неторопливо зашагал обратно в гору, в сторону Спасовки. Похоже, то не был случайный прохожий. Старик приходил специально для этого не слишком внятного разговора. Либо планы его кардинально изменились после встречи со следопытами.

– Ну что встали? За работу, живо! – скомандовал Стас. Но сам продолжал следить взглядом за удаляющимся стариком. И сказал негромко: – Вот ведь старый козел...

Траншеею они закончили на следующий день, ближе к вечеру. Дальше копать было некуда – уперлись в край невысокого земляного обрыва.

Именно тут весной случился оползень – длинная полоса берега, подмытого вешними водами Славянки, сползла к реке. Тогда же бывшие здесь на загородном пикнике студенты – костер, шашлык, много пива – нашли поблизости несколько старых черепов... Валялись там и другие кости, но молодых придурков заинтересовали лишь эти детали скелета. Надели черепа на палки и пугали присутствовавших на пикнике девиц. А один из юнцов вознамерился сделать себе шикарную пепельницу и притащил находку домой. Ошарашенные родители в штыки встретили перспективу совместного проживания с этакой деталью интерьера – и отзвук скандала дошел до живущего на той же лестничной площадке Стаса. А уж тот живо заинтересовался местом и обстоятельствами находки.

По странному стечению обстоятельств Стас Пинегин как раз в то время пытался привязать к местности упоминания об одном военном захоронении. Обычно немецкие кладбища, сровненные с землей победителями, не слишком интересовали черных следопытов, охотящихся за «смертными медальонами». Похороненные там солдаты пропавшими без вести не числились, а убитых офицеров рейха вообще старались при любой возможности доставить на родину. Можно, конечно, и в таких местах разжиться золотыми коронками или обручальным кольцом, но о пятистах марках с каждого покойника мечтать не стоит.

Но кладбище, бесследно сгинувшее где-то в долине Славянки, было особым. Стас прочитал о нем в мемуарах немецкого полковника, бывшего военного коменданта станции Антропшино.

Прочитал, кстати, в оригинале, на немецком, – книжка та не переводилась. (Почти не владея разговорной речью, Стас Пинегин самостоятельно выучился читать по-немецки и по-фински, читая именно военные мемуары – охота пуще неволи. По военной тематике он – при своих десяти классах – не уступал знаниями иному выпускнику истфака.)

...Во время блокады станция Антропшино стала крупным транспортным узлом в ближнем тылу осаждавших Ленинград гитлеровцев. Через нее шло снабжение фронта – и через нее же в тыл уходили отходы гигантской мясорубки – раненые и то, что десятилетия спустя начнут именовать «грузом двести»... Когда в сорок четвертом, при снятии блокады, советские танки рвались к станции, среди прочих забот коменданта оказалась изрядная партия пресловутого двухсотого груза. Проще говоря, мертвецов. Разбираться с ними и похоронить как полагается не успели. И солдат, и офицеров вповалку свалили в три спешно выкопанные ямы и засыпали землей. Оpoznанием, изъятием смертных медальонов и оповещением родных никто, естественно, не озаботился. Комендант, если верить его писаниям, надеялся, что атака русских носила локальный характер. И думал еще вернуться в Антропшино... Не сложилось.

Прочитав все это, Стас понял: вот он, его шанс, который выпадает раз в жизни. Где-то совсем рядом лежали в земле деньги. Очень большие деньги. Вероятность, что о них узнают коллеги-конкуренты, казалась ничтожной – штудированием иностранных военных мемуаров они не занимались.

Но квадрат возможных поисков был чересчур велик. Находка студента-некрофила позволила определить место с большой долей вероятности... Состав экспедиции Стас свел до возможного минимума – во избежание утечки информации к конкурентам. Взял лишь Скобу, не раз доказавшего умение держать язык за зубами, да салагу-родственника, знакомств среди следопытов не имевшего.

...Они стояли у конца вырытой траншеи, над самым обрывом. Мрачно курили. Настроение было пакостным. Бомба оказалась первой и последней находкой. Больше ничего не нашлось. Ни единой косточки.

Возможных объяснений имелось немного. Всего два.

Либо они промахнулись, не зацепив траншеей ни одну из трех ям.

Либо находка студентов никак не относилась к делу. Какие-то случайные, левые мертвецы. О таком варианте, грозящем ему финансовым крахом, Стас предпочитал не думать. Когда понурая тройца вернулась к вагончику, он выдал следующую директиву:

– Завтра начнем по новой. Будем копать вот так... – Он показал рукой. Предполагаемая траншея образовывала с имевшейся некое подобие буквы «V» и должна была выйти к обрыву метрах в трестах левее.

– А на сегодня объявляю отдых, – продолжил Стас. – Отправляйтесь-ка в Питер. Смоете трудовой пот и грязь, подрыхнете на нормальных кроватях. Но завтра к девяти быть на месте. До Ленинграда ехать было недолго – сорок минут на электричке от Антропшино.

– Трактор местные за ночь на детали растащить могут, – сказал Скоба. Судя по выражению лица, эта перспектива его не пугала. А предстоящее увольнение не радовало.

– Я остаюсь. Думаете, так просто вас отпускаю? Ко мне Нинка вечером придет. До утра. Понятно?

Лисичкин завистливо вздохнул. С Нинкой, разбитной грудастой продавщицей здешнего сельпо, Стас познакомился не далее как позавчера, закупая вдвоем с Колей продукты для экспедиции. И вот поди ж ты...

Скоба отправился в бытовку – переодеваться. Лисичкин собрался последовать за ним, но Стас вполголоса сказал:

– С дороги вернешься. Под любым предлогом. Скобе ни слова.

Нинка придет не одна, обрадованно понял Лисичкин, с подругой... И я ее... Я с ней... Потом он усомнился – слишком напряженное лицо было у Стаса.

– Что застыл? – сказал тот. – Иди, иди...

...Предлог Колька выдумал простейший. Многолетний опыт борьбы с преподавателями школы (а затем и ПТУ) научил: самой незамысловатой лжи верят всего охотнее. Подходя к станции, Лисичкин остановился и стал ощупывать карманы.

– Черт... Ключи от квартиры не захватил. А родители на даче. Придется назад бежать... Подождешь?

Скоба отреагировал, как и ожидалось:

– Я за твой склероз не в ответе. Туда-обратно – почти час набегит. Один поеду. Пока.

И он пошагал к платформе. Лисичкин поспешил обратно.

Тропа вилась по прибрежному лугу, цветущее разнотравье нагрелось на солнце и пахло одуряюще, деловито жужжали шмели, где-то неподалеку завел свою надрывную песню коростель... Было хорошо. Колька подумал: пожить бы вот так, на вольном воздухе, без всякого нервирующего ковыряния в земле... Палатка, котелок над костром, бутылка портвейна, косячок... Что еще надо для счастья? Разве что не помешает отзывчивая деваха в той же палатке. От этих мыслей Лисичкин разомлел и почти уверил себя, что нечто похожее ему и предстоит. Конечно же, Нинка придет с подругой, фиг бы его иначе Стас оставил, молодец он все-таки, выбрал именно родственника, а не придурка Скобу компаньоном в таком деле...

Стас оборвал мечты подошедшего к бытовке Лисичкина короткой фразой:

– Иди выспись, Лисоян, ночью придется повкалывать...

Коля не понял или не захотел понять, цепляясь за свои надежды. Сказал где-то слышанное:

– Вкалывают в вену, а в бабу – хе-хе – втыкают! А кого Нинка с собой приведет?

Стас посмотрел недоуменно, потом сообразил:

– Не будет никакой Нинки. Это так, для Скобы... Работать будем, без дураков.

Двоюродный племянник разочарованно понурился. Потом вновь оживился.

– Нашел, да? А Скобу – на хрен? Всю захоронку вдвоем возьмем?

– Не трюнди. Захоронку будем брать – если найдем – как договаривались, втроем. За ночь с ней и взвод не управится... А в том, что я в траншее нащупал, Скоба доли не имеет. Это, Ли Сын Ман, *ящик*. – Последнее слово он выделил голосом.

Уже до китайцев дошел, без особой обиды подумал Лисичкин, слухом не слышавший о корейском диктаторе с таким именем. И спросил:

– Ящик чего?

– *Ящик*, – произнес Стас с прежним нажимом и посмотрел на Лисичкина совсем как недавно, после предложения вызвать специалистов по разминированию.

Коля вспомнил кое-что из давнишних рассказов родственника. Найти *ящик* всегда – по крайней мере до «медальонной лихорадки» – было заветной мечтой любого черного следопыта. Конечно, в откопанном ящике могла оказаться протухшая десятки лет назад тушенка или еще какая-нибудь никому не нужная ерунда, но чаще всего ящики, заваленные некогда в разрушенных траншеях и блиндажах, хранили в себе оружие или боеприпасы. Консервационная смазка на найденных таким образом винтовках или автоматах, естественно, за годы высыхала и каменела – но удалив ее, вы получали вполне работоспособные *машинки*. Не нуждавшиеся в дорогостоящем восстановлении, в отличие от побывавших в деле и пролежавших затем долгие десятилетия в земле. За партию таких смертоносных игрушек можно было выручить приличные деньги.

И Лисичкин стал терзать Стаса расспросами: сколько в военные времена стандартная заводская тара вмещала ручных гранат? винтовок? автоматов? – и каковы на них сейчас цены черного рынка? Пинегин отвечал с неохотой и в конце концов директивно отправил родственника спать, сказав, что нечего делить шкуру неубитого медведя. Колька долго ворочался на сколоченном из досок топчане (впрочем, матрас и чистое белье на нем имелись). Ворочался и не мог уснуть, думал о ящике. А приснился ему вчерашний старик с толстой суковатой папкой. Подробностей Лисичкин по пробуждении не вспомнил. Осталось только чувство, что творилось в том сне что-то мерзкое. И страшное.

...Ящик оказался велик. Под двадцатисантиметровым слоем суглинка на дне траншеи находилась лишь часть его, остальное уходило в сторону, под боковую стенку.

Лисичкин считал, что истлевшее дерево будет рассыпаться в руках, – и ошибся. Доски оказались на удивление крепки, не иначе как их в свое время пропитали чем-то, препятствующим гниению. Гораздо больше пострадало железо – толстые полосы, охватывавшие в нескольких местах находку, пегли, пробои и три (!) замка крышки.

Стас хмурился, по мере того как трофей открывался больше и больше. И конструкция, и неподъемные габариты никак не походили на стандартные грузы военной поры. Что же тут за чертовщина? – думал он. Деталь от Большой Берты?

Пришлось изрядно повозиться, осторожно обкапывая ящик по сторонам – к утру, к возвращению Скобы, предстояло надежно замаскировать все следы сверхурочных земляных работ. Почва словно сроднилась за полвека со своим содержимым – и ни в какую не желала размыкать цепкие объятия. Добраться до дальнего конца находки можно было, соорудив шурф чуть не с Саблинскую пещеру размером. Скоба наверняка заметит поутру следы, глаз у него наметанный.

Выход нашел Стас. Притащил буксирный трос, пропустил его сквозь два металлических кольца на боковых стенках, явно служивших для переноски ящика – на виду их было четыре, и земля скрывала еще два, как минимум.

Движок-пускатель «Беларуси» затрещал так, что Лисичкину показалось – услышат их не только во всей округе, но, пожалуй, и в Питере. Услышат и наверняка заинтересуются: какому это тут трактористу-стахановцу не спится ночами? Потом треск смолк, заработал дизель, уже значительно тише, и Лисичкин немного успокоился.

Трос натянулся струной – и выдернул ящик, упершийся в противоположный срез траншеи... На вид все вышло легко – будто обвязанный ниткой молочный зуб выскочил изо рта у ребенка. Стас подал немного назад, слегка повернул трактор и новым рывком окончательно освободил находку. Теперь она целиком лежала на дне траншеи. Гробокопатели стояли наверху и задумчиво чесали в затылках.

Дело происходило как раз в те два-три часа белой питерской ночи, которые с некоторой натяжкой можно считать темными. На дне траншеи почти ничего разглядеть не удавалось. Но фонарь Стаса, привезенный из-за границы, оказался хорош. Длинный и толстый, похожий на дубинку, с мощным рефлектором, он рассекал темноту ярко-белым галогеновым светом на изрядное расстояние. Но сейчас Пинегин поставил сменный желтый светофильтр, дававший свет мягкий, рассеянный, почти незаметный со стороны.

Никаких надписей или маркировки на почерневших досках не виднелось. Ящик казался великоват для винтовочного или снарядного – метра два длиной и чуть меньше метра шириной и высотой. Характерные пропорции навели Лисичкина на догадку:

– Слу-у-ушай, а это не гроб ли? Может, зацепили-таки захоронку? По самому-самому краешку?

– Не похоже... – сказал Стас неуверенно. Впервые на памяти Кольки он что-то говорил неуверенно. – Их тут... там... без гробов кидали, вповалку... Разве что...

Он не договорил и спрыгнул в траншею. Лисичкин за ним.

Проржавевшее железо петель и замков быстро уступило напору двух фомок. Прежде чем открыть крышку, Стас несколько секунд помедлил. Потом резко откинул ее в сторону.

– фу-у-у... – разочарованно протянул Лисичкин. – Мышиное дерьмо какое-то откопали.

Ящик доверху наполняла труха непонятного происхождения. Непонятного – для Лисичкина. Стас определил сразу:

– Стружка. Сгнила вся... Что стоишь, давай выбрасывай! Да не лопатой, руками!

Запах от растревоженной трухи пошел нехороший. Подозрительный запах. Лисичкин всегда думал, что гниющее дерево пахнет по-другому, иногда даже приятно – например, в лесу, где запах гниющих ветвей и листьев называют отчего-то «грибным»... Сейчас же чувство возникло такое, будто он держит голову над кастрюлей с каким-то мерзким варевом, в самом пару. Голова кружилась, воздух казался наполнен множеством мелких жгучих кристалликов, терзающих не только нос – дышал Колька уже широко распахнутым ртом, – но и бронхи, и легкие.

Старик! – похолодел Лисичкин. Не об этой ли находке говорил подозрительный старик? О находке, которой они совсем не обрадуются... И Коле захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда.

– Есть! – нащупал что-то Стас. – Твердое! И длинное!

– Винтовка? – радостно спросил Колька. Он враз позабыл о своих панических мыслях. Никак не мог старик видеть на два метра вглубь...

– Да нет, не винтовка, похоже на... – Стас недоговорил. Но тут Лисичкин и сам докопался.

...Это оказался все-таки гроб, лежавший в ящике под слоем истлевшей стружки. Самой стандартной формы, но металлический. Никаких украшений на гробу не было. Стеклоочко в передней части тоже отсутствовало.

Странное дело – они нашли то, к чему так упорно стремились, но Колька ни малейшей радости не почувствовал. Лишь тревожное ожидание чего-то гнусного. И тон заговорившего Стаса был мрачен.

– Неужели генерал какой? – сказал он задумчиво. – Так вроде не гибли тут генералы в сорок четвертом... Может, другая важная шишка? Чиновник, скажем, из рейхскомиссариата восточных территорий... Да еще тут рядом испанцы квартировали, «Голубая дивизия»...

Сквозь тревогу Лисичкина пробилося удивление. Впервые он видел Стаса *таким*. Прежний Пинегин – решительный и не знающий колебаний – уже орудовал бы подходящим инструментом, вскрывая загадочную домовину.

И тут рассуждения Стаса прервал крик. Громкий, надрывно-тоскливый. Донесся он слева, от Спасовского кладбища – настоящего кладбища, с крестами и оградками.

Лисичкин издал тонкий писк и присел на дно траншеи. Крик не повторился. Стояла прежняя тишина, кажущаяся сейчас зловещей и опасной.

– Ш-ш-што это? – прошипел Лисичкин еле слышно.

Его испуг, как ни странно, помог Стасу взять себя в руки.

– Козодой это, Лисаяма-сан, обычный козодой. Они любят жить на деревьях старых кладбищ...

Разве у нас они водятся? – хотел спросить Лисичкин. И не спросил. Козодой, конечно же козодой... Колька выпрямился и почувствовал, что трусы и брюки в районе ширинки немного мокры. Совсем чуть-чуть. Он смущенно повернулся боком, хотя в свете фонаря Стас едва ли мог разглядеть крохотное темное пятно.

– Ладно, вскрываем, – сказал Пинегин.

– Может, не надо? Днем бы, со Скобой... Ты же сам говорил...

– Вскрываем, – отрезал Стас. – Чует моя задница, что это не то. Не захоронка... – Он нагнулся над гробом, провел пальцем по поверхности. – Что-то не пойму, что за металл. И не свинец вроде и не цинк... «Болгарка» бы не помешала, да подключить не к чему...

Непонятный металл оказался весьма мягким сплавом. И не толстым. Нож Стаса легко пробил его. Раздался легкий свист воздуха – гроб был герметичным. За пару секунд наружное давление уравнилось с внутренним. Под ударами молотка нож быстро продвигался по периметру крышки. Через несколько минут шов достиг достаточной длины.

Стас откинул крышку и издал странный звук – не то поперхнулся, не то задавил на корню матерную тираду.

В гробу лежал не скелет в клочьях истлевшего тряпья, как того стоило ожидать. Мертвец, чей покой они потревожили, выглядел похороненным несколько дней назад – хотя Лисичкин, конечно, лишь умозрительно представлял, как мертвецы выглядят там спустя несколько дней после похорон... Но и живым – уснувшим – лежавший в гробу не казался. Желтоватое лицо – высокий лоб, шрам на щеке, щегольская ниточка усов, закрытые глаза – казалось принадлежащим не спящему человеку, но персонажу музея восковых фигур. Награды на груди поблескивали, словно последний раз их начищали отнюдь не полвека назад.

– Как живой, – констатировал Стас очевидное. – Забальзамировали так уж забальзамировали.

– И мундир забальзамировали, да?! – истерично выкрикнул Лисичкин. – И ордена?

И он сделал шаг по дну траншеи – от гроба. Потом еще один.

– Сам видел – штука герметичная. Может, этот мундир только тронешь – трухой и рассыплется. Меня больше цацки интересуют... Надо понимать, в Германии, на настоящих похоронах, их бы отвинтили – и на подушечки, чин по чину...

Стас слегка нагнулся над гробом и стал разглядывать награды и знаки, комментируя вслух:

– Это эсэсман, оберштурмбанфюрер – типа подполковника по-армейскому... Но с обычным подполковником никто бы так не стал возиться. Непростая была пташка. А иконостасик интересный... Железный крест, два Рыцарских, один из них с подвесками... Золотая булава для галстука с монограммой фюрера... Так... Знак «Пятнадцать лет в НСДАП», а выглядит мужик молодожаво... А это что? А-а, висюлька за Дюнкерк, давно уже воевал. Странно, в сороковом черных эсэсманов на фронт не больно-то гоняли... Но мне особо вот этот иностранный орден глянулся...

– Какой? – спросил Лисичкин, не делая попыток приблизиться к гробу.

– А вот... – Стас кивнул на левую сторону груди мертвеца. – Если это не рыжье с брюликами, то я ничего не понимаю в цацках. Удачно мы копнули, Лисман! При деньгах будем! А если у него еще гайки на пальцах остались... Сейчас поглядим...

Лисичкин, вовсе не интересуясь наличием у покойника перстней и прочих украшений, медленно пятился по траншее. Взгляд его не отрывался от лица трупа. Фонарь в руке Стаса двигался, и казалось, что губы мертвого ээсовца слегка шевелятся. Как будто он пытается сдержать ехидную усмешку. Сдержат до той поры, когда резким движением сядет в гробу, и...

От Спасовского кладбища вновь донесся крик козодоя – если, конечно, это был козодой.

Колька понял, что его не влечет карьера гробокопателя. Абсолютно. Сегодняшняя ночь последняя. И денег за золото с бриллиантами ему не надо. Есть другие способы заработать.

Пинегин склонился над мертвецом, протянул руку... И упал внутрь.

Кольке показалось – за долю секунды до падения что-то метнулось к Стасу оттуда. Снизу.

ИЗ ГРОБА.

Лисичкин хотел закричать – и не смог, в горле засел липкий ком – ни проглотить, ни выплюнуть. Хотел развернуться и побежать – тоже не смог, ноги словно вросли в мягкую землю.

Все произошло за считанные секунды – но для Кольки они тянулись целую вечность. Вечность Стас ворочался в гробу, нелепо дергая торчащими наружу ногами. Вечность издавал хрипящие, задавленные звуки.

А потом вечность кончилась.

Стас выпрямился, стоя в гробу на коленях.

Глотки у него не стало. Просто не стало – рваная дыра, мешанина из кровавых ошметков. Кровь тугими толчками выплескивалась из разорванной артерии. Грудь Стаса бурно вздымалась, рот раскрывался широко, как при истошном паническом вопле – но звуков не было. Лишь в такт немым крикам из кровавого провала горла вылетали алые капельки.

Затем Стас тяжело рухнул обратно. В гроб.

Тогда Лисичкин заорал. И побежал.

Он несся по траншее – быстро, невероятно быстро. Несмолкающий вопль Кольки рвал на части ночную тишину – и больше ничего он не слышал. Сейчас, сейчас проклятая траншея кончится, он кубарем скатится по обрыву, и так же стремительно понесется вверх, к людям. К живым людям.

Хрусткий удар в затылок швырнул Лисичкина вперед. Он рухнул, ударился лицом о землю – и та раздалась, расступилась, приняла его в себя, он погружался глубже и глубже, странно, но залепленные суглинком глаза все видели – вокруг белели мертвые кости, много костей, черепа глумливо скалились его появлению, в их глазницах копошились мерзкие скользкие черви, а между ребер болтались заветные солдатские медальоны; вот же она, захоронка! – зачем-то обрадовался Колька, проваливаясь ниже, в совсем непроглядную черноту...

Потом не стало ничего. Даже темноты.

Часть первая
КРОВАВЫЕ МАЛЬЧИКИ

(26 мая 2003 г., понедельник – 31 мая 2003 г., суббота)

Глава 1

26 мая, понедельник, утро, день

1

– Твой комп скоро можно будет продать как антиквариат, – сказал Пашка-Козырь, пристыковав разъем к засунутому под стол системному блоку. Без особого осуждения, впрочем, сказал. – Я-то думал, что у известного писателя что-нибудь этакое, навороченное...

– Ну уж, какой известный... Разве что в перспективе. Перевалю тираж в сто тысяч – куплю сразу последний «пентиум», – пообещал Кравцов. – Хотя в принципе ни к чему. В игрушки я не играю, даже стандартного виндовского «минера» стер. Траектории баллистических ракет не рассчитываю. А для функций текстового процессора 386-го вполне хватает.

Он вставил штепсель в розетку, щелкнул клавишей. Не произошло ничего.

– Черт, растрясли все-таки, – встревожился Кравцов.

– Погоди, выключи. Я думаю, просто пробки вывинчены...

Паша вышел в соседнее помещение – крохотную кухоньку. Какая-нибудь излишне упитанная хозяйка вполне могла застрять там между тумбочкой с электроплиткой, холодильником и фанерным подобием буфета. Но Козырь, сухощавый и стройный, легко проскользнул в дальний конец помещения, к электрощиту и повернул две пробки. Холодильник тут же трудолюбиво заурчал.

– Включай, все в порядке, – вернувшись в «бригадирскую», сказал Паша. Именно здесь, на столе, они собрали главное орудие труда Кравцова – поскольку выписывать наряды и заполнять табеля тому не предстояло. Размерами «бригадирская» напоминала купе спального вагона – даже откидная койка казалась позаимствованной из «Красной Стрелы». Была она одна – ибо любому начальству, пусть и самого невеликого ранга, надлежит выдерживать дистанцию между собой и подчиненными. Остальные спальные места располагались в третьем и последнем помещении, самом большом по площади, – но туда Кравцов заглянуть еще не успел, озабоченный вопросом: как перенес дорогу компьютер? Конечно, все нужные тексты дублированы, но...

386-й загудел, на темном экране замелькали цифры.

– Ну вот, а ты боялся, – удовлетворенно сказал Пашка. – Я уж вез, как музейный сервиз. Любимую тещу так бережно не вожу.

Наконец на экране появилась майкрософтовская картинка.

– Долго грузится, – констатировал Козырь. – Поменяй хоть «мамку»... Ну что, продолжим осмотр апартаментов?

Они продолжили. Третья комната тоже напоминала о железнодорожном вагоне – но о плацкартном. Впрочем, ничего удивительного, дело как раз происходило в строительном вагончике. Хоть катался он и не по рельсам, но специфика наличествовала.

Койки, числом шесть, располагались в спальне для работяг в два яруса и оказались гораздо жестче бригадирской. Впрочем, имелось тут усовершенствование, для МПС никак не характерное, – две верхние койки были сняты со своих законных мест и помещены на самодельных подпорках между двумя нижними. В результате образовалось обширное ложе. Просто мечта эротомана.

– Кто же тут такой траходром отгрохал? – удивился Пашка. – Раньше не было... Не иначе как Валька Пинегин сексуальную революцию в Спасовке готовил, да не успел...

– Это который спился?

– Нет, который кирпич на макушку схлопотал, – помрачнел Пашка. – И зачем его на эти руины понесло ночью?

– Кстати, как он?

– Врачи говорят – жить будет. Скорее всего. Разве что заикаться станет да слюни пускать – опасаются, что кое-какие функции головного мозга нарушатся... Ладно, не будем о грустном. Продолжим.

И он продолжил экскурсию.

– Ну где холодильник и плитка, ты видел. Вон та дверца – бионужник на одно посадочное место. Постельное белье под твоей койкой, четыре комплекта. Если не пойдешь по стопам революционера-Пинегина, проблема визита в прачечную пока не встает. Вот тут – два масляных радиатора, на случай холодных ночей. Посуда – одноразовая, кстати, – в буфете на кухне, там же электрочайник. Телевизора, извини, нет.

– Я не смотрю телевизор. Разве что выпуск новостей раз в неделю.

– Тем проще. А то я уж подумывал – до встречи с тобой – прикупить антенну да приделать на крышу, и привезти какой-нибудь ящик – чтобы у сторожа от вечерней скуки рука к бутылке не тянулась... Но тебе, как я понимаю, скучать не придется. – Паша кивнул на компьютер.

– Не придется, – подтвердил Кравцов. И понадеялся, что не солгал. За последние месяцы он не написал и пары страниц.

– Ну что тут еще тебе показать? Хозяйство несложное, сам во всем разберешься... Да, вот что... Смотри: этот лист внутренней обшивки сдвигается, под ним – пульт сигнализации. Тумблер вниз – включена, вверх – выключена. Не забывай, пожалуйста, уходя включать, а в течение минуты после прихода отключать.

– А красная клавиша зачем? – поинтересовался Кравцов, изучая незамысловатое устройство.

– Тревожная кнопка. Нажмешь при чрезвычайной ситуации. Тогда не вохра с фабрики прибежит, а очень серьезные люди приедут. Очень.

– Круче, чем в стройбате? Знаешь, какая у тех присказка, если дело до разборок доходит? Говорят: нас драться и стрелять не учили, мы сразу в землю закапываем...

– Ты же, помнится, не в стройбате служил? Но присказка к месту. Ты уж понапрасну кнопку не дави...

– Не буду, – пообещал Кравцов. Он не представлял себе обстоятельств, при которых ему потребуется тревожная кнопка. Тогда – не представлял.

Через пару минут они оказались на улице – Кравцов сам запер дверь, осваиваясь с незнакомыми замками.

Погода стояла отличная. Весна в этом году запоздала, начало и середина мая были холодными, но в конце месяца природа, казалось, решила вернуть все недоимки по ясным и солнечным дням. Окружающие деревья – огромные столетние липы, оставшиеся от едва ныне угдываемого графского парка, – стремительно оделись зеленью, спеша наверстать вынужденную задержку. Молодая, яркая трава в два-три дня вытянулась и скрыла старую, пожухлую. И вода в пруду – не успевшая еще зацвести и подернуться ряской – выглядела теперь как-то иначе, не рождая у стоящих на берегу чувство *стылости*... В общем, пейзаж разительно изменился по сравнению с тем, что увидел Кравцов неделю назад, заскочив сюда проездом с Пашей.

Красно-серая громада графских развалин тоже смотрелась не так мрачно, как тогда. Двухэтажное разрушенное здание приделось в зеленый наряд, на нем кое-где росли маленькие деревца и кустики – цеплялись корнями за почву, нанесенную ветром за годы в щели карнизов, торчали из зияющих проемов окон, в том числе и второго этажа, – очевидно, найдя пристанище на чудом уцелевших фрагментах перекрытий.

Кравцов окинул взглядом подопечную территорию и спросил:

– Все-таки: что я здесь буду охранять? И – каким образом? От ограды, по-моему, меньше половины уцелело...

На памяти Кравцова это была не первая попытка восстановить разрушенный дворец (понятное дело, воспоминания его касались лишь тех лет детства и юности, когда ему случилось подолгу жить в Спасовке). Ограда из серых бетонных плит осталась от какой-то очередной несостоявшейся реставрации – и, будучи в течение двадцати лет сооружением совершенно бессмысленным, помаленьку приватизировалась жителями Спасовки и соседнего поселка Торпедо на свои личные надобности.

– Придет время – и ограду подлатаем. А пока не завезли остальные материалы, объект, достойный охраны, тут один. Во-о-он, видишь, два штабеля?

Кравцов посмотрел – вдали громоздились положенные одна на другую бетонные плиты, на его взгляд мало отличавшиеся от своих собратьев, вертикально установленных в ограде.

– Это заготовлены перекрытия, – пояснил Козырь. – Обошлись они, между прочим, на порядок дороже обычных плит – нестандартные размеры, пришлось открывать спецзаказ на заводе ЖБИ... Со всеми вытекающими отсюда финансовыми последствиями. И если кому-нибудь тут придет в голову идея выкопать погреб с бетонной крышей, а выламывать плиту из ограды покажется хлопотно... Обидно будет. В общем, задача у тебя на настоящий момент простая – днем делай что хочешь: пиши, гуляй по окрестностям, ездь в Питер... Но ночевать возвращайся сюда. Бдеть по ночам не стоит, такую махину без крана и грузовика не скоммун-издить, будут шуметь – проснешься наверняка. И нажмешь красную кнопку. Вот и вся работа. За семь тысяч в месяц, по-моему, просто курорт. Дом творчества. Кстати, не забыть бы записать твои паспортные данные – в следующий раз привезу заполненный договор.

Кравцов удивился. Цифру «семь тысяч» он услышал впервые. Как-то не всплывала она в двух предыдущих разговорах.

Паша посмотрел на часы.

– Слушай, старик, с Порецким, здешним муниципальным советником, я уже поговорил – но в четырнадцать ноль-ноль у меня деловая встреча в Царском Селе, в городской администрации... То есть два часа мне абсолютно нечего делать – ехать в город, а потом возвращаться бессмысленно. Нет светлых мыслей, как провести время? Можем заехать в мою халупу... Но там, честно говоря, хоть шаром покати. Вот начнутся каникулы – жена пацанов сюда на июнь вывезет. В июле-то, наверное, к морю двинут.

– У меня есть другая идея, – сказал Кравцов. – Давай прокатимся по Спасовке – по всей – потихоньку, не спеша? Лет пятнадцать ведь не был... Заодно расскажешь, что и как сейчас со старыми знакомцами...

– Нет проблем. Но маленькая просьба – если кого из знакомых встретим, не называй меня при них Козырем, о'кей? По имени-отчеству не стоит, но *здесь и для них* я давно не Козырь.

Вот оно как, подумал Кравцов. Что-то меняется в мире и в Спасовке тоже... Козырем Пашу прозвали отнюдь не за любовь к азартным играм. «Козыри» – наследственное, семейное прозвище, уходящее корнями в далекие предвоенные годы и постепенно вытеснившее в обиходе фамилию (когда кто-нибудь из приезжих спрашивал, где дом Ермаковых, то односельчане долго с удивлением чесали в затылках, потом вспоминали: а-а-а, Козыри! – и показывали дорогу).

– Понимаешь, – объяснил Паша, – вот у твоего отца, к примеру, прозвище было Сверчок. Ты это знал? Вот то-то, что и не знал. Как он в город подался да начальником стал – большим, по здешним меркам, начальником – никому и в голову не приходило к нему обратиться, когда приезжал: «Эй, Сверчок!» – даже приятелям стародавним. Сергей Павлович – и только так. Тут свой этикет, деревенский...

Зачем он это так подробно объясняет? – подумал Кравцов. Мог бы просто попросить... Может, ощущает себя прежним Козырем, несмотря на все успехи в бизнесе? По нынешней

неписаной табели о рангах Паша, пожалуй, перегнал Кравцова-отца, упорным трудом, без каких-либо интриг и протекций поднявшегося до поста начальника монтажного управления...

Они подошли к машине Паши – темно-темно-вишневому «саабу». Кравцов спросил полуютвердительно:

– Недавно у тебя этот красавец?

– Три недели. А что?

– Да смотришь на него, как на молодую жену в медовый месяц...

– Знаешь, я никогда не шиковал, любые излишки в дело вкладывал. Ох и тяжело деревенскому пареньку вверх ползти... Был бы твой отец жив – подтвердил бы. Я еще три года назад на «мерседесе» ездил – на трехсотом. Зверь-машина двадцатилетней давности. Салатного цвета, пару раз битый, в общем сплошная «Антилопа-Гну». Но движок мощный, приемистый, работал у меня как часы... И подвеска для наших дорог куда пригодней, чем у современных моделей. А потом *пришлось* пересесть на более авантажную. Особенно как с англичанами по этому проекту связался... – Паша кивнул на руины дворца. – Иначе со мной они и разговаривать бы не стали.

Кравцов снова заметил – по писательской своей привычке замечать все – маленькую странность. Достаточно подробно (зачем?) расписав свою «Антилопу», Козырь ни словом не упомянул, на чем он ездил последующие три года – до покупки «сааба». Интересно, почему?

Тьфу, – мысленно сплюнул Кравцов. Ну ездил, ну не сказал... Ерунда какая в голову лезет. Вот что значит работать в жанре криминально-мистического триллера.

Но когда «сааб» выехал с полуогороженной территории бывшего дворца графини Самойловой и открылся прекрасный вид с Поповой горы на зеленеющую долину Славянки, Кравцов осознал и вторую странность: место действительно шикарное, зарплата тоже – если учесть почти полное отсутствие обязанностей. Почему же тут за несколько месяцев не удержались *пятеро* сторожей? Четверо банально и подозрительно быстро спились, пятый словил кирпич на голову... Ну ладно, несчастный случай можно отбросить, случайность есть случайность, – но первые четверо? Паша не похож на человека, принимающего на работу заведомых алкоголиков... Загадка.

Обстоятельства, которые привели на эту работу *его*, Кравцов предпочел в тот момент не вспоминать. Не хотел безнадежно портить настроение.

2

С Пашкой-Козырем они встретились тоже случайно, месяц назад.

Причем, что удивительно, – не в Спасовке и даже не в Питере, а в Москве, на Звездном бульваре. Вот уж случайность так случайность.

Пашка приехал в столицу по своим делам – проекту восстановления усадьбы «Графская Славянка» надлежало получить одобрение на федеральном уровне.

У Кравцова, честно говоря, особых дел не имелось. То есть, конечно, официально предлог для поездки существовал: зайти в издательство, где готовились к выпуску сразу три его книги – третья, четвертая и пятая. Последнюю он закончил полгода назад, *раньше* Кравцов писал очень быстро. Зайти, попробовать выцарапать хоть одну корректуру – дело практически нереальное для писателя, не живущего постоянно в Москве. По каким-то тайным законам книжного бизнеса (или только этого издательства) корректуры появлялись в редакции на считанные дни, автору давались без права вынести на срок и того меньший – их можно было лишь бегло, вполглаза просмотреть. Кроме того, стоило поговорить со штатными художниками, попенять на обложки первых двух, уже вышедших книг и высказать пожелания к оформлению следующих. Тоже достаточно бесплодное занятие. Никто и ничего специально рисовать для нераскрученного автора не станет, возьмут первую же хоть отдаленно подходящую кар-

тинку из слайдотеки – в лучшем случае. В худшем же обложка ничего общего с содержимым книги иметь не будет...

Короче говоря, Кравцов понимал, что бронтозавра издательских джунглей – «АСТ-РОН-ПРЕСС» – его визит никак не собьет с избранного пути работы с начинающими писателями. Все будет идти – вернее ползти – своим чередом. Не в Америке живем, где Стивен Кинг издал свой первый роман – и проснулся знаменитым. Вполне можно было воздержаться от поездки.

Но Кравцов поехал – в глубине души надеясь что-то переломить в себе этим вояжем. Свернуть с рельсов, ведущих в никуда, в пустоту...

Поехал – и встретил Пашку-Козыря.

Оба спешили – но проговорили, стоя на улице, минут двадцать. Не наговорились, вопросов друг к другу за годы накопилось изрядно. Выяснив, что оба возвращаются сегодня, но разными поездами, Паша уговорил Кравцова сдать билет – а на его «Стреле» проблем со свободными местами не возникало.

Потом было эсвэшное купе, мягкий стук колес, много коньяка (пьянели оба медленно и туго). И много разговоров. Оказывается, Пашка читал книги Кравцова. Все – то есть обе. И все журнальные публикации. Зацепился как-то взглядом за знакомую фамилию на лотке, купил, – понравилось. Еще бы, подумал тогда Кравцов, ведь половина действия первого романа проходила в некоем поселке, как две капли воды напоминавшем родную Пашину Спасовку. И Козыря весьма интересовало: как же детского приятеля угораздило попасть в писатели? Очень просто, сказал Кравцов: окончил институт, работал в оборонном НИИ – зарплата маленькая, перспективы туманные; ездил в командировки на объект в Казахстан – там уговорили послужить по контракту, звание лейтенанта после военной кафедры у него имелось; просидел на «точке» четыре года, делал то же, что и на гражданке, но получал куда больше – за должность, за звание, пайковые, за пустынную и безводность, за повышенное излучение гигантского суперадара, за что-то еще... Козырь поинтересовался: а как это излучение на будущее потомство влияет? С потомством все в порядке, сказал Кравцов, – двое, мальчик и девочка, вполне нормальные и здоровые... При этих словах он помрачнел, и Пашка это заметил. Там же, на службе, начал и писать, продолжил Кравцов, в основном от скуки; кроме пьянки да блядохода, развлечений никаких не было... Писалось медленно, тяжело, теперь смешно читать те опусы. Потом демобилизовался – тоска заела, с двух сторон соленое озеро, с двух других – колючая проволока, а за ней пустыня, и так год за годом. На гражданке попробовал себя в бизнесе, вроде получалось, но писать хотелось все сильнее и сильнее... Пошел на литературные курсы к одному известному писателю... – Кравцов назвал фамилию Мэтра, и Пашка закивал: знаю, знаю... Через пару лет слепил из нескольких своих повестей забойный романчик, отправил в издательство – не «самотеком», понятно, кое-какие знакомства в тех кругах уже наработал, спасибо покойному Мэтру... Он умер? – удивился Козырь. Недавно вроде новая книжка вышла... Да, умер, – снова помрачнел Кравцов. А книжка – ерунда, Мэтр их строчил со скоростью швейной машинки, еще года три выходить будут; или дольше – если наймут пару литературных негров под известное имя. Посмертные, мол, рукописи... В общем, роман Кравцова приняли, и все завертелось.

Звучит как повесть со счастливым концом, сказал Пашка. Но что-то вид у тебя, дорогой друг, не счастливый. Даже наоборот. Словно за спиной у тебя что-то страшное, и оглядываться совсем не хочется...

Он, Козырь, всегда, с детских лет, отличался какой-то интуитивной проницательностью.

Кравцов медленно и сжато рассказал о Ларисе. О блондинке с синими глазами – ее он не разлюбил за десять лет брака и именно ей посвящал свои книги. Она тоже любила Кравцова, а еще – машины, риск и скорость, и судьба ей благоволила... Но этой зимой Ларисе не повезло – в первый и последний раз. Одна огромная несправедливая компенсация за все былые

удачи... И Кравцов остался вдовцом с двумя детьми. Дети сейчас у тещи, и он оказался на положении субботнего папы, надеется, что ненадолго, – но пока что писать и приглядывать за двумя ребяташками одновременно не получается... Вот чуть подрастет старшая... Ладно хоть живут рядом, в трех остановках... А вообще он серьезно подумывает о том, чтобы найти на лето место егеря – есть же в области пустующие кордоны – хочет вырваться из квартиры, где буквально все напоминает о Ларисе. Плохо там отчего-то пишется... Да и зарплата егерская не помешает. В нашей стране профессиональный писатель может сносно прожить на гонорары не от изданий, а от переизданий, – а до этого Кравцову пока далеко...

Правдой это было отчасти. В городской его квартире писалось не просто плохо. *Вообще никак.*

Пашка задумался. Потом начал издаലെка: помнишь развалины в Спасовке? На горе, за Торпедовским прудом? Кравцов кивнул. Знаешь, что там было? Кравцов покачал головой. В детстве как-то не интересовался – графские развалины, и все. Дети вообще не страдают любопытством к некоторым вещам. Хотя и обожают совать нос во все дыры – в том числе и в пресловутые руины, зачастую становившиеся в минувшие годы местом опасных игр их с Пашкой компании. Такой вот парадокс.

Козырь стал объяснять с гордостью человека, недавно приобщившегося к новым и несколько чуждым для себя знаниям – и торопящегося ими поделиться. Развалины, оказывается, – исторический памятник. Загородный особняк графини Самойловой, возведенный в 1831 году по проекту Александра Брюллова – брата известного живописца, того самого, что написал «Последний день Помпеи»...

Кравцов слушал с удивлением. По его воспоминаниям, интересом к истории и архитектуре Пашка не отличался.

Козырь продолжал: в войну дворец разрушили. Сам помнишь, что уцелело, – покореженные стены, ни одного целого перекрытия. А сейчас запущен проект по восстановлению «Графской Славянки» в виде туристического комплекса. С привлечением иностранного капитала. И раскручивает его с российской стороны не кто иной, как Павел Филиппович Ермаков. Проще говоря – Пашка-Козырь. И есть у куратора проекта интересное предложение к писателю Кравцову. Потому что на лесном кордоне – потаскав воды, да порубив дрова, да справив кучу других дел по хозяйству (это не считая прямых обязанностей) – время для писательства не больно-то выкроишь.

Вот так все и началось.

3

В то же солнечное утро, когда Пашка-Козырь вводил Кравцова в служебные обязанности, сержант милиции Кеша Зиняков пребывал в настроении самом пакостном.

Его не радовал ясный день, встающий над северной столицей, раздражала толчея питерских улиц – особенно мерзкая после тихого провинциального Себежа, откуда Кеша прибыл три дня назад в составе сводного отряда псковской милиции.

Но особенно недовольство Зинякова вызывал покойный император Петр Первый. Того вообще многие не любили – как современники, так и их потомки: и казнимые стрельцы, и притесняемые раскольники, и обличающие тлетворное влияние Европы славянофилы, и чокнутый профессор Буровский, и даже буревестник контрреволюции – писатель Солженицын.

У Кешы претензия к Петру имела одна, но глобальная. На хрена царь-реформатор заложил столицу тут, на невских болотах? Мог бы и в Москве поцарствовать. На худой конец, мог бы затеять дурацкую стройку лет на тридцать позже. Тогда Кеша уж точно не попал бы на идиотское трехсотлетие, неизвестно для кого задуманное – скорее всего, для гостей из пресловутой Европы, в которую император пытался проникнуть методом вора-форточника...

До кульминации торжеств оставалась неделя.

Значит, еще целую неделю четыре курируемых Кешей уличных торговца в Себеже будут выплачивать небольшую, но ежедневную дань непонятно кому, а то и попросту прикарманивать. И целую неделю осаду сердца красивой девушки с гордым именем Аэлита будет единолично вести Кешин лучший друг и злейший конкурент в амурных делах – сержант Вася Сиротин, капризом то ли судьбы, то ли начальства не угодивший в питерскую командировку.

Конечно, уличных торговцев и красивых девушек здесь тоже хватало. Но за первыми, обоснованно считал Кеша, уж кто-нибудь да надзирает. А на вторых Зиняков только посматривал издали с провинциальной робостью...

В общем, он шел по своей зоне ответственности – небольшой площади между Витебским вокзалом и метро «Пушкинская» – с чрезвычайно мрачным видом, меланхолично поигрывая дубинкой. Агрегат сей, кстати, был модернизирован Кешей собственноручно – во внутренней полости перекатывались и ударялись друг о друга два больших шарика от подшипника. При любом, даже самом слабом ударе дубинка имитировала приятный уху треск ломающихся ребер...

Но в нынешней командировке применять «демократизатор» пока не пришлось. Черт их знает, этих столичных, кого тут можно метелить, кого нельзя. А от заведомых ханыг, в отношении которых сомнений не возникало, град Петра в преддверии юбилейных торжеств изрядно почистили.

Вдруг Кеша остановился и насторожился, как сеттер, почуявший дичь. Мимо него шел мужчина – чем-то подозрительный. Чем – Зиняков сразу и не понял.

Ему и его коллегам ежедневно напоминали о бдительности в отношении террористов, о том, какая лакомая для тех мишень съезжающиеся в Питер главы государств и правительств, – результатом накачки стали постоянные проверки документов и досмотры больших сумок у лиц кавказской национальности, а также у лиц прочих национальностей, имевших несчастье родиться жгучими брюнетами.

Но идущий по площади к вокзалу человек не был ни кавказцем, ни брюнетом. И багажа, способного вместить хоть десяток килограммов гексогена, с собой не имел.

Зонт! – внезапно понял Кеша. Зачем в этот погожий денек огромный старомодный зонт с длинной резной ручкой, торчащей над правым плечом мужика? Зонт, висящий за спиной на пересекающем грудь шнурке? И тут же Зиняков осознал вторую странность. Способствовала этому детская, ныне заброшенная, любовь к чтению.

В полузабытой книжке помогло разоблачить одного мужика то, как болталась у него винтовка, висящая на перекинутом через шею ремне. Слишком легковесно болталась. Винторез оказался муляжом, а тот мужик – каким-то оборотнем...

Сейчас ситуация повторилась с точностью до наоборот. Зонт *должен был* болтаться в такт ходьбе по куда большей амплитуде. И никак *не должен был* шнурок зонта так глубоко врезаться в плащ на плече мужика...

В ЗОНТЕ СПРЯТАНО НЕЧТО ТЯЖЕЛОЕ.

Снайпер, похолодел Зиняков. А за спиной – ствол от снайперки, под плащом – приклад и другие детали, бывают такие разборные системы, им говорили на информациях...

Кеша оглянулся. Никого из коллег рядом не виделось. Пришлось действовать в одиночку. Он быстро догнал и обогнал подозрительного типа.

– Сержант Зиняков. Попрошу ваши документы.

К кобуре Кеша не стал тянуться. Стрелок из него аховый. Зато дубинкой Зиняков владел виртуозно. И приготовился пустить ее в ход при любом опасном движении. Даже при первом намеке на такое движение. Врезать так, что мало не покажется.

– Паспорт на обмене, – сказал владелец зонта каким-то бесцветным голосом.

Был он высок ростом и худ. Лицо – тоже худое – обрамляли длинные пепельно-седые волосы, схваченные на лбу кожаным шнурком. Несмотря на седину, стариком предполагаемый снайпер не выглядел. Хотя его возраст определялся достаточно трудно. Да Кеша и не пытался, он внимательно следил за движениями типа, готовый отреагировать на любой угрожающий жест.

Ответ – «паспорт на обмене» – казался вполне правдоподобным. Обмен паспортов в разгаре. И все же, глядя в глаза мужику, Кеша шестым чувством понял: ошибки нет. Волк, матерый и опасный... Нехорошие были глаза, как у готового к броску зверя.

– Тогда у вас должна иметься квитанция и любой другой удостоверяющий личность документ с фотографией, – стоял на своем Зиняков.

– Да, конечно... – сказал седоголовый так же тускло. Рука его медленно поползла за отворот плаща.

Кеша увидел, как глаза противника сузились хищным прищуром. И мгновенно понял – пора. Потом будет поздно. Лучше уж пострадать за неправомерное применение спецсредства, чем... Мысль осталась незаконченной.

Впоследствии, коротая время на больничной койке, Кеша не раз в деталях и по фазам вспоминал произошедшее – искал свою ошибку. И убеждался, что некоторых движений он тогда не увидел, слишком уж все происходило быстро...

Он успел первым. Дубинка ударила со страшной силой – она должна была встретить на пути локоть левой руки мужика, и сломать руку, и заставить позабыть обо всем от болевого шока...

Руки на пути у дубинки отчего-то не оказалось.

Удар пришелся по ребрам. Вернее, примерно туда – но по чему-то твердому, не подавшемуся, как подается ломаемая кость.

Тут Кеша увидел черное и длинное, летящее к нему справа. Потом-то он понял, что это был зонт – надо понимать, нижним концом очень слабо прикрепленный к шнурку и выхваченный из-за плеча за рукоять.

Тогда Зиняков не успел понять ничего – лишь вскинул дубинку инстинктивным защитным жестом. Тонкий конец зонта ударился об нее слабо и почти невесомо, и зонт остановился – но *нечто*, укрытое доселе в нем и более короткое, продолжило движение – *нечто*, тускло и мгновенно блеснувшее у самого живота Кеши.

В ту же секунду мужик развернулся и побежал. Кеша – за ним, на мгновение машинально опустив глаза к животу.

Ах ты сука! – наискось новой формы тянулся бритвенно-тонкий разрез. Чуть кровь не пустил, гад! Ну бля...

Кеша наддал – но тут же сбавил обороты, остановленный резкой болью. Снова опустил глаза. И не сразу понял, что откуда-то взявшиеся розово-серые загогулины, свисающие с живота, – кишки. Его кишки. Кровь отчего-то не текла...

Через несколько минут врач «скорой», по счастью проезжавшей мимо, изумленно качал головой – длинный разрез, сделанный словно острым скальпелем, аккуратнейшим образом вскрыл брюшную полость и не зацепил ни одной кишки. Повезло.

Милиционеры – и псковские, и питерские – пытались организовать погоню по горячим следам. Но их сбивали с толку показания ничего не успевших понять свидетелей. Одни утверждали, что преступник нырнул в метро, вторые – что скрылся в недрах вокзала, третьи – что быстренько остановил тачку, катившую по Загородному проспекту, и уехал. Четвертые клялись и божились, что никуда он не уезжал, а нырнул в щель между двумя стоявшими в конце площади грузовыми фургонами и исчез из видимости (как выяснилось много позже, правы оказались именно эти последние). Столь же расходились описания внешности и одежды лиходея... Сам Кеша пребывая в состоянии шока и ничего вразумительного сообщить пока не мог...

Тем временем человек, превративший его в живое пособие по анатомии, быстрым шагом шел по безлюдным задворкам вокзала. По дороге избавился от плаща, закинув его в мусорный контейнер.

Туда же последовала черная нейлоновая ткань с торчащими из нее спицами. Предмет, чья рукоять изображала ручку зонта, лежал теперь в брезентовом чехле для удочек. Там лежал и второй предмет, покорооче, который скрывался ранее под одеждой и спас своего владельца от перелома ребер.

Камуфляжный полувоенный костюм, обнаружившийся под плащом, в сочетании с пресловутым чехлом придавал человеку вид мирного рыболова, направившегося на пригородный водоем. Длинные волосы были тщательно спрятаны под кепи, тоже камуфляжной расцветки.

Человек обошел платформы поездов дальнего следования и прямо по путям направился к тем, от которых отходили пригородные электрички. У толпившихся на перронах пассажиров его траектория никакого любопытства не вызвала – с той стороны появлялись многие «зайцы», желающие обойти установленные на вокзале турникеты.

«Заяц»-рыболов неторопливо вошел в первый вагон электрички, отправлявшейся через две минуты (его безнадежно отставшие потенциальные преследователи только-только приступили к опросу свидетелей).

Электропоезд следовал до станции Вырица. Человек с чехлом для удочек планировал сойти раньше – в Павловске или Антропшино. Точных и подробных планов человек строить не любил, полагаясь на удачные экспромты.

Такие, как сегодня.

Едва ли, впрочем, Кеша Зиняков и его коллеги считали последний экспромт особо удачным, но их мнение человека в камуфляжном костюме не интересовало.

4

За пятнадцать лет Спасовка изменилась – и сильно.

Раньше ее пятьсот с лишним дворов тянулись двумя рядами вдоль шоссе, соединявшего бывшие пригородные императорские резиденции – Павловск и Гатчину. Такая – двухрядная и длинная, около трех верст – планировка Спасовки повелась со времен императрицы Елизаветы Петровны. И пятнадцать лет назад оставалась примерно той же.

Теперь все стало иначе.

Поодаль от шоссе – там, где раньше задворки плавно переходили в совхозные поля – поднялись и выросли новые двух – и трехэтажные дома. С дороги они были прекрасно видны, возвышаясь над куда менее высокими деревянными жилищами коренных спасовцев. Впрочем, кое-где и те домишки сменились добротными кирпичными особнячками – без объяснений Пашки Кравцов мог делать выводы: как у кого повернулась жизнь за пятнадцать лет, перевернувших страну вообще и Спасовку в частности. Кое-кого жизнь явно была без всякой жалости. Потому что встречались избы сгоревшие, но так и не восстановленные. Покривившиеся, покосившиеся, – натуральные Пизанские башни, подпертые еловыми лесинами и только потому не падающие... По-разному складывалась жизнь у людей в постсоветское время.

– Новые русские подселяются? – кивнул Кравцов на колоритный, под замок стилизованный особнячок поодаль от дороги.

– Нет, – сказал Паша сухо и неприязненно. – Не новые русские. В основном старые цыгане...

– Хорошо живут «люди нездешние»... – удивился Кравцов.

– Да самые здешние, коренные... – поморщился Козырь. – Вырицкие цыгане сюда перебрались, с Александровки некоторые... А «нездешние» – это таджики-люли. Те действительно бедствуют. Стоял их табор года два назад не так далеко. Знаешь, перед Царским Селом, если от

Питера электричкой ехать, – платформа «21-й километр»? Вот там и стояли, где вдоль железки два ряда тополей растут – полоса снегозащитная. Натянули между ними веревки, стенки навесили, крыши, – из выброшенной пленки парниковой, тряпья разного... Нищета страшная, дети почти все больные, грязь, антисанитария...

– И что потом? – заинтересовался Кравцов. – Вселили их куда-нибудь?

– Как же... Подъехали как-то ночью три джипа да микроавтобус с ребятами стриженными, проорали в мегафон: «Съебывайте, пять минут на сборы!» Потом пальбу начали. Из помповушек. Сначала-то пластиковой картечью... Но у цыган – у молодых – тоже пара-другая стволов имелась... В общем, форменная битва народов при Лейпциге получилась.

– А милиция что?

– Присутствовала, а как же... Едва цыгане свои дедовские пушки вытащили – саданули менты по ним из табельного на поражение. В общем, откочевал тот табор в неизвестном направлении, вместе с ранеными и убитыми. Лишь веревки между тополей остались да пара тряпок забытых.

– Зачем все это? И за что?

– Ну как же... Подворовывали по окрестностям, понятное дело. Пойдешь воровать, когда дети с голодудохнут, куда денешься. А совсем неподалеку, на 21-м километре, поселок новорусский отгрохали – зачем им такие соседи. Ну и...

– А ты себя новороссом не считаешь? – спросил вдруг Кравцов.

– Какой же я «новый»? – искренне удивился Паша. – Здесь и отец мой, и деды, и прадеды жили – и когда-то вполне справными хозяевами были, едва от раскулачивания спаслись... Просто все и всегда на круги своя возвращается, только и всего.

Кравцов в очередной раз удивился – теперь уже не так сильно. «Битва народов», «на круги своя»... Все меняется, и Пашка-Козырь тоже.

5

– А это что? – спросил Кравцов. Они с Пашей почти закончили ностальгический вояж и возвращались обратно, к «Графской Славянке». Но когда полчаса назад ехали к дальнему концу Спасовки – водную гладь, сейчас привлекающую его внимание, Кравцов не заметил.

Пятнадцать лет назад небольшого, почти идеально круглого озера *не было*. В этом Кравцов не сомневался. Мальчишками они обследовали все до единого местные водоемы.

– Озеро-то? Кстати, это действительно интересно... Давай подъедем... – Паша свернул с шоссе на грунтовую дорожку – она и ей подобные, разделявшие подворья и уходившие в сторону полей, издавна именовались спасовцами «прогонами».

Озеро и вправду оказалось любопытным. Даже не столько само оно – достаточно заурядное, не более четырехсот метров в диаметре, разве что берега слишком ровные – ни бухточки, ни заливчика, ни зарослей камыша. Но больше привлекала внимание окружающая озеро почти по урезу воды сплошная ограда из подернутой ржавчиной металлической сетки. По верху ограды змеилась колючая проволока – тоже ржавая. Фортицию украшали многочисленные плакаты: «ЛОВИТЬ РЫБУ ЗАПРЕЩЕНО!», «КУПАТЬСЯ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНО!», «ПОДХОДИТЬ К ВОДЕ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ!» И еще что-то, полустершимся мелким шрифтом, – про штрафы и прочие санкции.

– И что все это значит? – спросил Кравцов, выйдя из «саба».

– Природная аномалия, осложненная катаклизмом, – сказал Пашка, тоже выйдя из машины и закуривая. Кравцов отметил, что это первая сигарета почти за четыре часа, причем «суперлайтовая» – это у Козыря-то, в оные времена не выпускавшего из зубов то «Приму», то «Беломор»...

– И что у вас тутстряслось?

– Кастровый провал. Ухнуло в одночасье.

– Тут ведь вроде дом стоял какой-то...

– Дед Яков жил. Все подворье затонуло. Кое-что, правда, всплыло – доски, бревна... Сам-то дед к тому времени умер, внук его все унаследовал, из городских. Да не долго владел. Ученые, кстати, говорят: для наших мест – уникальный случай. Якобы под кембрийскими глинами не может быть больших полостей – в теории. Наш водоемчик – на такой почве – единственный в Европе, между прочим. Вроде в Америке есть еще два похожих – и все.

– Отчего же этот забор? Почему интуристы не роятся, фотоаппаратами не щелкают?

– Знаешь, дурное какое-то место. Неприятное. Да и случаи нехорошие были. Сначала ведь ученые понаехали, феномен изучать – и погибли из них четверо. Трое среди бела дня на резиновой лодке утонули. Четвертый – подводный спелеолог – нырнул с аквалангом и не вынырнул. Тут ведь якобы под нашим озерцом – подземное, куда большее. Вода туда-сюда перетекает через какую-то горловину, очень опасные водовороты случаются. Тех четверых так и не нашли, кстати...

После таких рассказов Кравцову и в самом деле озеро показалось зловещим. Не хотелось в нем купаться, ловить рыбу, даже просто подходить к воде, – и угроза штрафов была здесь ни при чем...

– Поехали отсюда, – сказал Паша. – Придет время – будут тут и туристы с видеокамерами, обещаю...

И они поехали.

– А вон моя халупа, – сказал Козырь через несколько минут. – Узнаешь?

Узнавалось родовое гнездо Ермаковых-Козырей действительно с трудом. Пашка не стал сносить родительский дом, используемый им ныне как загородная дача (отец и мать переехали в Гатчину, в купленную сыном трехкомнатную квартиру). Не стал возводить на его месте трехэтажную громадину. Но обложил со всех сторон белым кирпичом, разобрал ветхие дощатые сараюшки – вместо них появились аккуратные пристройки, тоже кирпичные. Под коньком крыши торчала спутниковая тарелка.

– Приглашаю в гости. Не сейчас, через недельку, как жена с отпрысками переедет...

– А про жену ты, между прочим, ничего мне не рассказывал... Она из здешних? Я ее знал?

Козырь улыбнулся и ответил коротко:

– Наташка. Архипова.

– Наташка-а-а... – протянул Кравцов. – Она же все с Игорем-Динамитом ходила. Думал, с ним и...

– Динамит погиб, – мрачно сказал Паша. – Тринадцать лет назад.

Первый Парень – I

Динамит. Лето 1990 года

Летом девяностого года первым парнем на деревне был, конечно же, Динамит.

А это не совсем то, что первый парень в классе или первый парень в городском дворе.

Чтобы понять разницу, стоит самому пожить в деревне в нежном возрасте от десяти до семнадцати. Пусть даже в такой, как Спасовка: пятнадцать минут до Павловска на автобусе, оттуда двадцать минут на электричке – и пожалуйста, северная столица перед вами. Почти пригород, а не тонущая в грязи сельская глубинка Нечерноземья, что уж говорить.

К тому же Спасовка – по крайней мере официально – деревней не числилась. Да и Спасовкой, честно говоря, тоже. На картах и в официальных документах везде стояло «село Спасовское»¹. Но в разговорах именовали попросту: Спасовкой и деревней.

Вроде живущие здесь и одевались точно как в городе, и в магазине лежали те же продукты, и до Невского проспекта добраться быстрее, чем с иной городской окраины, с какой-нибудь Сосновой Поляны, – но народ другой. Это не понаехавшие отовсюду в отдельные квартиры жильцы многоэтажек – здесь не просто все знают всех, здесь *корни* – отцы знали отцов, и деды знали дедов, и прадеды прадедов...

Стать первым парнем тут ой как нелегко, зато если уж если стал – то ты Первый Парень с большой буквы. Здесь не город, кишачий скороспелыми дутыми авторитетами; здесь мнения складываются годами, а живут десятилетиями...

Первым Динамит был по праву, и первым во всем.

Самые крепкие кулаки и самая отчаянная голова во всей Спасовке – это важно и это немало, без этого не станешь Первым Парнем.

Первым отчаянно вступить в драку, когда противников втрое больше. Первым сигануть в речку с высоченной «тарзанки». Первым среди сверстников затянуться сигаретой под восхищенными взглядами. И первым, скопив всеми правдами и неправдами денег, купить подержанный мотоцикл и пронестись ревущей молнией по деревне (ровесники бледнеют от зависти, и верные двухколесные друзья-велосипеды вызывают у них теперь раздраженную неприязнь).

Но не единственно это делало Динамита Первым Парнем. У него был свод собственных правил, соответствующих его положению. И он не отступал от них никогда, чем бы это ни грозило: поркой ли, полученной от отца, застукавшего с сигаретой; жестокими ли побоями, когда противников оказывалось слишком много и вся сила и все умение не могли помочь; бесконечными ли конфликтами с учителями, грозящими выдать вместо аттестата справку с ровным рядочком двоек и характеристику, способную напугать самое отпетое ПТУ...

Главных правил имелось немного: не лгать, выполняя любой ценой обещанное; не бояться никого и ничего; не отступать и всегда бить первым.

Библейские заповеди: не убий, не укради и т. д. сюда не входили. Жестоким Динамита назвать было трудно – чужая боль не доставляла никакого удовольствия. Можно сказать, что он жил по самурайскому кодексу бусидо, суровому к себе не менее, чем к окружающим.

Слава первого драчуна и первого сорвиголовы вышла за пределы Спасовки. Динамита знали и в окрестных поселках, иные только понаслышке; он любил со смехом рассказывать, как какие-то павловские парни в словесной разборке, предварявшей очередную баталию, ссылались ему на то, что знакомы «с самим Динамитом»...

И конечно, его девчонкой была Наташка.

¹ Отличие тут простое: в селе церковь есть, в деревне – нет.

Да и кому еще гулять с такой красавицей под завистливыми взглядами не смеющих приблизиться соперников?

Конечно, Первому Парню.

Любой иной вариант стал бы насмешкой и издевательством над так щедро наградившей ее природой. Да и Динамит внешне был Наташке вполне под стать: не слишком высокий, со складной, не убавить, не прибавить, фигурой, со спокойным и мужественным лицом – правда, зачастую украшенным синяками и ссадинами.

Девчонки, кладущие глаз на Динамита, завистливо поглядывали им вслед и шептались, что вся щедрость матери-природы к Наташке ушла на грудь и ножки, а так дура дурой, что он в ней нашел... Врали, безбожно и завистливо врали, обаяния хватало, и ума тоже – чтобы не афишировать тот факт, что нашел не он, это она нашла и выбрала, подчиняясь древнему как мир женскому инстинкту – стремлению быть женщиной *победителя*...

Первым Парнем нелегко стать, но остаться им надолго еще труднее.

Обычно карьеру Первого Парня обрывает служба в армии. Первый Парень и вузовское (или, хуже того, по состоянию здоровья) освобождение от службы – суть вещи несовместные.

Но по возвращении начинают выясняться непонятные вещи: у сверстников входит в цену не умение сбить противника на землю одним ударом, или с гордо поднятой головой послать на три буквы школьную учительницу, или единым духом, не поморщившись, опрокинуть стакан обжигающего горло «шила», или нырнуть с высоченного дерева в опасном месте у разрушенной плотины, – сейчас вчерашние друзья и соратники все больше думают об образовании и о хорошей работе; нет, они еще не забыли твоих недавних подвигов, но начинают вспоминать о них уже без восхищения, не глядя на тебя как на героя и полубога – с какой-то ноткой снисхождения, как о забавах ушедшего детства, и, покурив вместе и повспоминав былое, куда-то спешат по своим делам, в которых тебе не осталось места... А за звание Первого Парня уже бьются молодые, вчерашние сопляки, считавшие за честь сбегать для тебя в сельмаг за пачкой сигарет, а теперь – заматеревшие волчата с подростскими клыками...

И девчонки-подружки, повзрослевшие и кое-что уже понявшие в жизни, не мечтают сесть к тебе за спину на сиденье старой «Явы» (длинные волосы развеваются из-под потертого шлема, сквозь кожу куртки чувствуется прильнувшая к спине упругая девичья грудь – и даже не знаешь, что возбуждает больше: это ощущение или пьянящий азарт гонки по ночному шоссе) – как средство передвижения девчонок куда больше начали привлекать «мерседесы» или, на худой конец, «жигули» последней модели...

А мать, когда рассеивается сладкий дурман шумно отпразднованного возвращения из армии, все чаще намекает, что неплохо бы устроиться на работу – и выясняется, что придется вставать к деревообрабатывающему станку на местной фабрике спортивного инвентаря, поднимаясь в шесть утра каждый божий день по мерзкому звону будильника, и вытаскивать до одурения перекладки для шведских стенок и кии для бильярда – другой работы нет, а какая есть – не возьмут. Сам ведь, парень, выбирал профессию? – да кто же думал, что этим придется действительно заниматься, что это надолго, может навсегда, – просто тогда вконец осточертела школа и дуры-училки, а в ту путягу ходили старшие кореша, крутые парни (куда ж они подевались?), с которыми так клево оттягивался, закосив занятия – первый стакан, первая сигарета, первый мажущий помадой поцелуй с разбитной девчонкой, про которую говорят, что ее – можно...

Где все это? Ушло, исчезло, развеялось, хотя и много, очень много лет спустя поседелые дружки будут вспоминать: «Игореха-то? Да-а, первый парень был на деревне...»

...Но в то лето Динамит ни о чем подобном не задумывался.

Он был в расцвете своих девятнадцати лет (осенью заканчивалась пэтэушная отсрочка от армии) и в зените своей славы – был, когда закадычный друг-приятель Пашка-Козырь произнес равнодушно, как бы между прочим, одну фразу.

Фраза изменила все. И для самого Пашки, и для Динамита, и для многих других, – и не только на то лето, но и на долгие годы вперед.

Динамит всего этого не знал и о большей части последовавших событий не узнал никогда. Потому что жить ему оставалось меньше недели.

Глава 2

27 мая, вторник, ночь, утро, день

1

Он не знал, отчего проснулся – но не сам по себе, это точно. Была какая-то причина, какой-то внешний толчок, вырвавший его из сна без сновидений.

Кравцов открыл глаза и не понял: где он? что с ним?

Темнота вокруг казалась чужой, *незнакомой*. Не пробивалась сквозь шторы ставшая привычной за годы полоска света от уличного фонаря, не слышалось столь же привычное тиканье настенных часов. Вместо него доносилось слабое журчание.

Через секунду-другую Кравцов вспомнил все – он спит в вагончике, в «Графской Славянке», первая ночь на новом месте... Но что-то все равно было не так.

Он поднялся, подошел к двери – понадобилось для этого ровно два шага. И пока Кравцов их делал, чувство: все не так! – усилилось.

Пошарил рукой справа от двери, потом слева, нащупал выключатель. Щелчок – темнота вокруг осталась прежней. Журчащие звуки стали громче. Кравцов щелкнул выключателем еще два раза, на что-то надеясь, – с тем же результатом.

Отключено электричество. Странно, Пашка говорил: со светом в Спасовке, слава Чубайсу, проблемы крайне редки... И что тут, черт возьми, так журчит?

Он толкнул дверь, – и она, и стена, по которой перед этим шарил Кравцов, отчего-то показались *неправильными*. Шагнул в крохотный коридорчик. Босые ноги сразу угодили во что-то мокрое и холодное. Журчало теперь, казалось, над самым ухом.

Прошел ливень? И каким-то образом затекла вода? Ерунда, вагончик снят с шасси и стоит слишком высоко, никак дождевой воде сюда не попасть. Значит, что-то иное...

Он нагнулся, макнул пальцы в лужу под ногами, поднес к лицу. Ничем особенным не пахло. Вроде вода... Ладно, сначала свет, потом все остальное.

Должны же быть тут где-то свечи, но искать их ощупью, не зная, где лежат, – не вариант. Фонаря нет. Зажигалка? Пожалуй, больше ничего не остается...

Он дернулся было обратно, взять зажигалку, – и остановился, вспомнив. Аварийное освещение! Пашка говорил – питается от того же аккумулятора, что и сигнализация.

Кравцов приподнял лист обшивки, дернул тумблер на пульте. Свет загорелся – точнее, едва затеплился. Две крохотные лампочки – в коридорчике и в бригадирской – превратили непроглядную тьму в мутный сумрак.

Читать при этом свете было бы невозможно, но источник журчания Кравцов разглядел. И оторопел.

Из-за двери лилась вода! Не *под* дверь – отовсюду! Проникала через почти незаметные щели у косяков, у притолоки и сбегала вниз, пополняя растущую под ногами лужу. Очень быстро растущую. Сквозь скважину замка била – именно била, не сочилась, не капала – настоящая струйка, напоминая странную пародию на известный фонтан «Писающий мальчик». Падая в лужу, струя издавала то самое, услышанное Кравцовым, журчание...

Что за чертовщина?! Наводнение?! На холме?!

Он машинально опустил глаза, чтобы оценить скорость подъема воды – и понял, что за неправильность встревожила его чуть раньше, еще в темноте. Пол стал не горизонтальным! Наклон казался невелик, градусов десять, самое большее. Но вся вода собиралась у дальней

от его ложа стены. Вот почему стена, отклонившаяся от вертикали, показалась даже на ощупь какой-то не такой...

Кравцов бросился обратно в бригадирскую, отдернул занавески, – уже догадываясь, что увидит. Сквозь щелки окна тоже сочилось – ручейки сбегали по полу к порожку, образовав на линолеуме другую лужу, небольшую. А за стеклом... За стеклом виднелось лицо – бледное, искаженное – лишь через несколько секунд Кравцов узнал собственное отражение.

Он прижался к окну, прикрываясь ладонями от света лампочки-лилипутки – и *увидел*.

Увидел что-то вроде густого коричневатого тумана – частицы его двигались в хаотичном танце, изредка среди них попадались какие-то более крупные соринки...

ЗА ОКНОМ БЫЛА ВОДА. МУТНАЯ ВОДА.

Кастровый провал, – понял Кравцов внезапно. Еще один кастровый провал. Воды подземного озера в другом месте подмыли свод громадного резервуара – и на дне просевшей воронки оказались и графские руины, и липы старого парка, и эксклюзивные Пашины плиты...

И он, Кравцов.

Внезапно стало трудно дышать. Воздуха не хватало. Он пытался широко раскрытым ртом схватить исчезающий кислород... Клаустрофобия – понял Кравцов, такое с ним случилось один раз в жизни, в третьем классе, когда застрял между этажами лифт – освещенный точно такой же еле живой лампочкой. Забытый детский ужас выполз из дальних закоулков памяти.

Мысли метались: конец... стеклопакеты пока выдержат... и воздух может остаться, скопится под потолком... и что – медленная смерть от удушья... спасатели?... да какие тут, к чертям, спасатели... разве что «тревожная кнопка»?... но пройдет ли сигнал сквозь толщу воды?
...

За стеклом, на которое он продолжал оцепенело смотреть, почудилось какое-то движение. Кравцов взгляделся. Темный силуэт медленно выплывал из коричневого тумана – и оказался рыбиной, здоровой, толстобрюхой, карасем или карпом... Торпедовский пруд тоже *затянуло*, понял Кравцов. Рыбина почти уткнулась мордой в стекло, жаберные крышки медленно приоткрывались и закрывались. Неморгающий глаз смотрел тупо и равнодушно. Потом рыба сделала неувимое движение хвостом и исчезла.

Кравцов провел рукой по лицу, стирая холодный пот. Он понял.

ЭТО СОН. ПРОСТО СОН.

Надо проснуться – и все. Крепко закрыв глаза, он сказал вслух: «Просыпаюсь!» – и снова открыл их.

Не изменилось ничего. Так же – или сильнее? – журчала вода. Так же клубился за окном коричневый туман.

Кравцов поднес левую руку ко рту и сильно стиснул мякоть ладони зубами. Боль пришла, настоящая, резкая, – но кошмар не развеялся.

Зато утихла паника и вернулась способность спокойно и трезво мыслить.

Не бывает такого, сказал себя Кравцов. Не потому, что не бывает никогда – в жизни всякое случается, – а потому, что противоречит элементарным физическим законам. Вагончик деревянный, лишь снаружи обшит кровельным железом. Плавучесть у него наверняка положительная. На временный фундамент он *поставлен* краном. Если закон Архимеда до сих пор действует, то при подобном катаклизме временное жилище Кравцова *просто обязано было всплыть*. Всплыть и покачиваться сейчас на поверхности возникшего водоема. Другое дело, если имелась бы жесткая связь, скажем, с вбитыми в землю сваями – но чего нет, того нет.

Понимание абсурдности и невозможности происходящего ничего в нем, происходящем, не изменило. Вода продолжала прибывать. Тусклый свет мигнул – но загорелся снова. Как показалось Кравцову – еще более тускло.

Задыхаться или тонуть не хотелось. Даже во сне.

Мы часто завидуем легкой смерти умерших во сне, подумал Кравцов. Говорим: счастливый, не мучился, заснул – и не проснулся. Возможно, это ошибка. Кто знает, что за кошмарные вещи творились с теми уснувшими в мире их сновидений и почему они *на самом деле* не проснулись...

К тому же всегда существовала крохотная вероятность просчета. Он мог что-то не учесть – что-то очень маловероятное. Например, полуметровый слой свинца под полом – говорят, именно такой вагон-неваляшку построили для императорской семьи после крушения на станции Борки.

Надо выбираться, понял Кравцов. Сон это или дикая явь, – надо выбираться. Но как?

Выход оставался один. Набрать побольше воздуха, распахнуть дверь, подождать, пока вода заполнит вагончик и встречный поток ослабеет – и плыть к поверхности.

Для сна – вполне реальный способ. Наяву – если и не зацепишься за что-то, выплывая, и не захлебнешься, – то кессонная болезнь при мало-мальски приличной глубине обеспечена. Но выбирать не из чего.

Он отодвинул засов, глубоко подышал, вентилируя легкие, насыщая кровь кислородом. Набрал полную грудь воздуха – и толкнул дверь. Она не дрогнула. Навалился плечом – тот же эффект. Вода под ногами дошла до щиколоток...

Все правильно. Наружное давление слишком сильно. Кошмарный сон оставался логичным. И неправдоподобно – для сна – точным в деталях.

Значит, окно. Достаточно стеклу чуть треснуть – и давление довершит все само. Кравцов вернулся в бригадирскую. Поискал взглядом, чем шарахнуть по стеклу. Ничего подходящего... Ладно, во сне сойдет и кулак.

Он помедлил, в последний раз пытаюсь проснуться без занятий подводным плаванием.

Потом обмотал кулак полотенцем – и с размаху ударил...

...Теперь он понял сразу, отчего проснулся – от резкой боли в правой кисти.

Вспоминать: где он? что с ним? – не пришлось, кошмарный сон стоял перед глазами. По всему судя, только что – еще не проснувшись – Кравцов от души саданул кулаком по стенке...

Было темно. Остатки сна рассеивались, становились *воспоминанием*, но какая-то деталь кошмара упорно продолжала оставаться здесь...

Журчание!!!

Кравцов застонал. Опять??!! Все по кругу??!!

Вскочил, бросился к двери, снова стал искать выключатель и снова поначалу не с той стороны – дежа-вю! – нашел, щелкнул клавишей...

Свет загорелся. Нормальный, достаточно яркий свет круглого плафона под потолком. Но журчание никуда не исчезло.

Кравцов опасливо выглянул в коридор. Лужи не было. Замочная скважина не изображала «Писающего мальчика». Журчание, похоже, доносилось из кухоньки.

Он прошел туда, включил свет. Из крана текла тоненькая струйка – чуть отошла прокладка, не иначе. Кравцов туго завернул его – струйка исчезла. Воду следовало экономить – водопровода тут не имелось, на стене висел двухсотлитровый плоский бак из нержавеющей стали.

Он глянул на часы – половина третьего. Спать расхотелось совершенно. Он прошел в дальнюю комнату, присел на край «траходрома», закурил. И подумал, что если вдруг подобные – до жути похожие на действительность – сны будут *здесь* повторяться, то семь тысяч при почти полном отсутствии обязанностей не покажутся таким уж подарком... И реальных выходов останется два. Либо выпивать на сон грядущий бутылку водки, страхуясь от сновидений. Либо спать днем – где-то в ином месте. А ночью сторожить, бодрствуя. От скуки можно будет чем-нибудь заняться. Пойти полюбоваться луной на графских развалинах, например. Только стоит надеть на голову строительную каску, памятуя о печальной судьбе Вали Пинегина.

Остановитесь, товарищ писатель, – оборвал он сам себя. Уймите писательское воображение. Хватит выстраивать сюжет для нового триллера из случайного сна и никак с ним не связанной текучки среди сторожей...

Боль в отбитом правом кулаке помаленьку слабела, и Кравцов почувствовал то, что она, боль, раньше не позволяла заметить – что и с левой кистью не совсем все в порядке. Он взглянул на ладонь.

На мякоти виднелась дуга из красных вмятинок.

След его зубов.

2

Уснуть он смог лишь засветло. И проспал почти до полудня – без каких-либо сновидений. Разбудило пиликанье мобильного. Звонила Танюшка.

– Папка, привет! Ну как ты там на новом месте?

– Нормально, – ответил Кравцов заспанным голосом. Не рассказывать же дочери о ночном кошмаре, в самом деле.

Танюшка тараторила дальше, похоже, не услышав его ответ:

– Слушай, папка, у меня к тебе дело на миллион рублей!

– Куда подойти за деньгами? – спросил Кравцов, окончательно проснувшись.

– У-у-у... – После секундного раздумья дочь не стала реагировать на шутку. – В общем, мне нужна сказка.

– Название и автора помнишь? Или народная?

– Да нет же! *Мне* надо написать сказку! Последнее задание по литературе перед каникулами. Поможешь?

– Так помочь или написать за тебя?

– Ну папусик... Ты же все понимаешь... У меня экзамены на носу, а тебе это – раз плюнуть. Ты ведь у нас писатель...

В голосе ее определенно появились льстивые нотки. Раз плюнуть... Недавно, действительно, так и было. Ладно, уж на уровне пятого класса писатель Кравцов даже в нынешнем своем состоянии что-нибудь из себя вымучит.

– На какую тему? – спросил он.

– Сказка о предмете. О любом. Какой первым на глаза попадетя. Но чур небольшую – на пару страниц. А то ж я тебя знаю – войдешь во вкус да как размахнешься...

– Послезавтра я буду в городе. Если успею сочинить – занесу. Устраивает?

– Вполне. Папусик, ты прелесть! Ну все, я побежала, большая перемена заканчивается. Чао!

В трубке запищали короткие гудки.

Он встал, оделся, широко раздернул занавески. Окно выходило прямо на графские развалины. Провалы окон словно смотрели заинтересованно: что за новый человечек появился и копошится тут? Причем напоминало это взгляд не глаз, но пустых глазниц черепа. В принципе дворец и был сейчас скелетом – с которого содрали плоть безжалостные люди. Кравцову стало неудобно – и он задернул занавески. Неприятное все-таки здание. Хотя в детстве вроде так не казалось...

Если предположить, думал Кравцов, что у зданий, особенно у старинных, есть какое-то подобие души – некий совокупный отпечаток мыслей и чувств строителей и обитателей, то у этого разбитого и изувеченного дворца душа маньяка-убийцы.

Редкий год он не мстил изуродовавшим его людям, не разбирая правого и виноватого. В основном гибла молодежь – спасовские подростки и молодые парни; так уж они устроены, что

бурно растущий организм требует адреналина, толкая, особенно на глазах у сверстников, на самые рискованные подвиги, порой просто глупые, порой даже криминальные...

А залезть, невзирая на все запрещающие таблички, по отвесной стене, цепляясь за неглубокие выбоины и едва заметные выступы, да еще намалевать краской, крупными буквами в самом недоступном месте, свое имя (кто постарше – писали имена любимых девушек) – это был поступок, позволяющий долго ходить с высоко поднятой головой. Если, конечно, все заканчивалось благополучно.

Чаще всего такие шалости сходили с рук, но порой торчащий из стены обломок перекрытия на неоднократно пройденном маршруте вдруг обрушивался под ногой очередного скалолаза... И мало кто из неудачников отделялся легкими травмами от падения на груды битого кирпича.

Иные из этих трагедий были очень странными.

Например, на памяти Кравцова погиб парень – не из их компании, лет на пять старше. Сорвался на глазах у сверстников, пытаясь освоить новый маршрут – на доступных участках стен чистых мест для автографов почти не осталось. Упал, ударился затылком, умер через полчаса, не приходя в сознание.

Немедленно начались строгие беседы с пацанами, требования клятв не приближаться к проклятым развалинам, очередные обещания обнести наконец забором зловещее место (бетонная ограда тогда еще не стояла). Участковый несколько месяцев, проходя мимо, заглядывал к руинам и гонял даже ребятню, мирно игравшую поодаль от дворца...

Но ровно через год, день в день, младшего брата погибшего (было их два сына-погодка у матери-одиночки) нашли случайно на том же месте – полез на ту самую стену, в одиночку, без свидетелей... А ведь до того целый год и близко к развалинам не подходил, даже разговаривать о них не хотел. Младшего до больницы довезти успели, там он ночью и умер...

Изредка жертвами становились игравшие внизу, среди разбитых стен, ребяташки, и приезжие любители полазать в развалинах. Дворец различия между своими и чужими не делал, потемневшие кирпичи падали сверху непредсказуемо, но регулярно.

Вот и в этом году пострадал незнакомый Кравцову Валентин Пинегин. Точно ли незнакомый? Среди спасовских жителей такая фамилия не припоминалась, но было чувство, что где-то и когда-то Кравцов ее уже слышал...

...Поздний завтрак совсем истощил скудный запас продуктов. Собираясь сюда, перегружать себя провиантом Кравцов не стал, рассудив, что прошли времена, когда в единственном на всю Спасовку сельмаге имелись в продаже лишь два сорта крупы да возвышались затейливыми пирамидами баночки с салатом из морской капусты, а рекламный плакатик повествовал о великой ее пользе.

Предстоял визит в магазин. Кравцов собрался, взял деньги, запер дверь, не забыв включить сигнализацию. Спустился с лесенки-крылечка – и на этом его путешествие застопорилось.

Потому что неподалеку стояла девушка в белом платье. И судя по всему, ждала именно его.

Наверное, поклонница, подумал Кравцов скептически. Простояла, бедная, все утро, ожидая своего кумира. А тот позорно продрях до полудня. Ой, как стыдно...

На самом-то деле на улицах его, конечно, не узнавали и автографов не спрашивали, – обе книги вышли без портрета автора. Давней, из юных лет, знакомой гостья тоже быть не могла – слишком молода. Оставался один вариант – увидела Кравцова вчера во время его автопрогулки по Спасовке – и влюбилась с первого взгляда. И теперь мается и стесняется, не зная как подойти. Ну и бог с ней, Кравцов облегчать ей задачу не собирался.

Равнодушно скользнув по девушке взглядом, он двинулся мимо.

И тут же выяснилось, что Кравцов ошибся в госте. Робостью и стеснительностью та не страдала.

– Леонид Сергеевич! – позвала она уверенным голосом.

Он обернулся, посмотрел на нее внимательно.

Девушка была молода и красива – лет девятнадцать, много двадцать, золотистые волосы, синие глаза, точеная фигура...

Но Кравцову вовсе не от этого показалось вдруг, что из мира исчез весь воздух – абсолютно весь, до последней молекулы. И не от этого захотелось крикнуть ей: тебя нет! нет!!! сгинь! развейся! Он не крикнул ничего, бесполезно кричать в безвоздушном пространстве...

Девушка что-то говорила – губы беззвучно шевелились. Он попытался ответить – и ничего не получилось, но, наверное, девушка умела читать по губам, потому что добавила что-то еще – так же беззвучно. Затем она улыбнулась.

Кравцов понял, что сходит с ума. И обязательно сойдет, если только раньше не задохнется.

А еще он понял, что отнюдь не проснулся, когда в своем кошмаре ударил кулаком в окно погребенного под толщей воды вагончика. Все последовавшее – и звонок Танюшки, и завтрак, и поход в магазин – было всего лишь сновидением.

Кошмар продолжался.

3

Впервые *это* случилось два года назад.

В своем первом опубликованном рассказе Кравцов изобразил реально существовавшего человека, к которому, так уж получилось, испытывал более чем неприязненные чувства. Фамилию не упоминал, ни настоящую, ни чуть измененную; внешность в подробностях тоже не описывал.

Просто в один из начальных моментов работы понял, что некий, до тех пор безликий, персонаж – не вызывающий симпатии и обреченный в финале погибнуть – тот самый человек. И продолжил писать, уже зримо представляя знакомое лицо и фигуру, подставляя знакомые поведенческие реакции в рожденные своей фантазией повороты сюжета...

Персонаж, как планировалось, погиб. От удара ножом в горло – Кравцов предпочитал круто замешанные сюжеты. Рассказ долго валялся без дела, а потом его принял один «толстый» журнал и напечатал в первом номере следующего года.

Номер еще готовился к печати, когда Кравцов, обзванивая и поздравляя в предновогодний вечер друзей и знакомых, услышал дошедшую до него с большим опозданием весть: человек, послуживший прототипом убитому в рассказе, умер. Умер в тридцать восемь лет. Умер от рака гортани.

Кравцов отчего-то не спросил: оперировали его перед смертью? Наверное, побоялся узнать, что оперировали, что отточенная сталь коснулась именно горла, что попадание оказалось стопроцентно точным. Вместо этого выдал из себя: когда? Минувшим летом, в июне, ответили ему. Июнь ни о чем Кравцову не сказал. Рассказ к тому времени был уже полгода как написан, но, кроме двух-трех человек, его никто не читал, даже в журнал Кравцов отправил рукопись позже. И черт дернул его спросить: когда обнаружилась болезнь? Собеседник, так уж получилось, помнил это с точностью до дня. И назвал дату, когда участкового врача посетили первые подозрения. Потом он говорил что-то о направлении на исследование и о его результатах... – Кравцов не слышал ничего. Торопливо скомкал разговор, торопливо загрузил компьютер, открыл нужный файл... И долго смотрел в экран невидящим взглядом. Дата под тем самым рассказом разнилась с только что названной ему на ОДИН ДЕНЬ.

Первые признаки рака обнаружили через сутки после того, как Кравцов поставил финальную точку.

Это могло быть совпадением. Это, черт возьми, и было совпадением! – как уверил он себя позднее. Но, как выяснилось, это стало не последним совпадением...

Два последовавших, впрочем, чересчур роковыми и кровавыми не показались. Просто Кравцов описал два события, достаточно случайных, – которые и произошли спустя какое-то время. Мелочи. Но в сочетании с первым фактом – заставившие задуматься мелочи...

Хотелось с кем-то поделиться. Посоветоваться. Но с кем? Жена, рационалистка до мозга костей, вполне была способна натолкнуться на десяток идущих подряд невозможных совпадений – и легко объяснить каждое из них случайностью. Прочие материалисты-рационалисты тоже помочь не могли. К гражданам же, всерьез подвинутым на всевозможных парапсихологических теориях, Кравцов относился с легкой брезгливостью. Он сам использовал мистику и бесовщину в своих триллерах, – но как элемент игры, не принимая всерьез.

Единственным человеком, с которым Кравцов мог бы (и хотел) посоветоваться, был сибирский писатель Сотников. Дело в том, что в своих книгах этот известный фантаст тоже порой *угадывал*. В частности, описал смерть в авиакатастрофе знаменитого на всю страну политического деятеля – за три года до реальной катастрофы и смерти.

Но ехать в далекий Иркутск не хотелось (да и как объяснить с порога *такую* цель приезда?), телефон отпадал по тем же причинам...

Проблема разрешилась легко. Сотников приехал сам. Не на время – совсем переехал в Питер. Так уж совпало... И к тому времени, когда его шапочное, в литературной тусовке завязавшееся знакомство с Кравцовым перешло в чуть более близкое, – у того возникла новая проблема.

...Сотников тоже оказался материалистом и скептиком. Объяснял все просто: совпадения. Да, выдернутые из миллионов исписанных страниц и миллионов произошедших событий, – ошарашивают. Но если сравнить с числом никак не сбывшихся строк... Хотя допускал: талантливые писатели могут лучше прочих граждан чувствовать тончайшие нюансы настоящего и гораздо удачнее – скорее всего, подсознательно – экстраполировать будущее. Неуверенное предположение Кравцова, что написанное слово может будущее *творить*, отменил с порога. И все-таки что-то он недоговаривал... Потому что Кравцов заметил: в последних книгах Сотникова практически перестали гибнуть главные герои. Да и вообще смертность среди персонажей уменьшилась в сравнении с прежними романами. В разы уменьшилась. На порядки... Тогда он спросил о конкретном: что делать с очередным опусом? Застрял в нем, как топор в сучковатом полене. Разладилось что-то в голове... Вымучиваю страницы, выдавливаю... Да еще проблема обнаружилась – в детском лагере, послужившем прообразом для места действия, неприятность случилась: что-то обрушилось, кое-кто из детей пострадал... А у меня в финале там рушится и горит *все*... И гибнут дети. Стоит ли дописывать? Материалист и скептик Сотников был краток: лучше отложи. У меня тоже много... отложенного. Опять Кравцову показалось – что-то осталось недосказанным.

Он отложил. И в тот же вечер взялся за другой роман. Тут же выяснилось – писательская машинка у него в голове вовсе не разладилась. Строки, абзацы, страницы шли легко – единственным ограничением стала собственная скорость печатания... Работал, как учил в свое время Мэтр, – до упора, до упаду... Выходило почти по авторскому листу в сутки... Кравцов радовался. Дурак...

Главным персонажем стала женщина. Вернее, беспощадно-красивое НЕЧТО, принявшее женский облик. Женщина-Воин, Ночная Лучница, посланная побеждать, – любой ценой. Не знающая жалости к себе и другим. И в финале платящая жизнью за шанс победить... Погибающая.

Она поначалу *выделась* Кравцову похожей на Ларису... Так, как бывает похожа младшая сестра или давняя фотография. Кравцов *выдел* ее четко и ясно, в малейших деталях... Но

постепенно облик героини менялся – и перед мысленным взором вставало другое лицо, другая фигура, другая пластика движений – хотя большое сходство с Ларисой оставалось.

Он отстучал объемистый роман запоем, за двадцать дней. Ночная Лучница погибла, так и не победив... Через три дня погибла Лариса.

С тех пор писатель Кравцов написал – выдал, вымучил – две или три страницы. Не от тоски, не от грусти потери, – наоборот, считал работу лучшим лекарством от безнадеги. Очень хотел писать – и не мог. Не *видел* того, о чем собирался поведать миру. Перед внутренним взором стояла искореженная «нива», как кровавые мальчики Бориса Годунова...

Писать по-другому – не *видя* – он не умел.

4

Теперь он стоял перед собственным персонажем. Смотрел на лицо, которое представлял до мельчайших черточек в те странные и шальные три недели. И хотел крикнуть:

ТЕБЯ НЕТ! НЕТ!! НЕТ!!!

Не крикнул.

Наверное, в душе его уживались две ипостаси – мистик и скептик, иначе не смог бы Кравцов на полном серьезе и даже вполне правдоподобно описывать похождения восставших мертвецов и оборотней. И пожалуй, скептик был все же главнее. Сейчас он отодвинул коллегу в сторону и призвал, по примеру Сотникова, на помощь материализм, рационализм и парочку других «-измов», – помогло, и достаточно быстро. Рассуждал скептик примерно так: можно, конечно, предположить, что перед нами стоит плод авторской фантазии, неизвестно как материализовавшийся... Можно. Но почему бы, в порядке бреда, не допустить другую версию: Кравцов просто видел девушку когда-то раньше. Видел не мысленным писательским взором – обычно, глазами. Запомнившийся образ отложился где-то в дальнем-дальнем уголке – будто и нет его. А в нужный момент – когда Кравцов пускал в ход все ресурсы и неприкосновенные запасы мозга, проводя по двадцать часов в сутки над клавиатурой, – этот образ пошел в дело.

Браво, товарищ писатель. Делаете успехи. Сотников может вами гордиться.

Этот внутренний монолог промелькнул у него быстро, за считанные секунды, – к тому времени, когда наваждение ослабело, девушка успела сказать совсем немного. Кравцов начал слышать ее на полуслове, словно забывчивый звукорежиссер в студии хлопнул себя по лбу и торопливо включил микрофон, стоящий перед диктором.

– ...подарил по двадцать экземпляров здешней библиотеке. Так что вы теперь в Спасовке писатель, многим известный.

Это она про Пашу, догадался Кравцов. Ну спасибо старому другу, удружил, – появилась его стараниями первая поклонница. Похоже, нечуждая, – иначе сказала бы «нашей библиотеке»... Но общение с ней все равно что-то не вдохновляет – слишком уж похожа на Ларису и на *ту*, другую...

Он натянуто улыбнулся, ничего не ответив. Девушку его молчание не смутило.

– Скажите, пожалуйста, – сказала она, – у вас в «Битве Зверя» Заруцкий, он же Азраэль, – ангел Света или все-таки Тьмы? Там, в конце можно понять и так и этак...

– Так оно и задумано, – снова улыбнулся Кравцов, уже вполне искренне. И стал объяснять, что и как у него задумано...

Чего бы ни хотела девушка от Кравцова, подход она выбрала безошибочный. Хочешь свести более близкое знакомство с ребенком – спроси о его любимой игрушке. С женщиной – спроси о ее ребенке. Писателя, особенно начинающего или вконец исписавшегося, надежнее всего спрашивать о его книгах.

Короче говоря, вскоре обнаружилось, что Кравцов идет рядом с девушкой – но отнюдь не к магазину, а в противоположную сторону – по дорожке, ведущей к Спасовской церкви. И с большим жаром продолжает начатые объяснения...

Потом разговор перешел – Кравцова удивило, с какой легкостью и плавностью – на более общие литературные темы. С ней вообще все получалось на удивление легко – не с литературой, с девушкой... С литературой у Кравцова в последнее время отношения складывались непростые.

Когда сквозь зелень лиственниц показалось желтое здание церкви, Кравцов понял: пора знакомиться. Знать, судьба такая. Спорить с судьбой он давно отучился.

– Не стоит говорить мне «вы», – сказала девушка, как будто прочитав его мысли. – Меня зовут Аделина, только не надо называть меня Линой, не люблю это имя. Лучше просто Ада.

В этот момент та часть натуры Кравцова, что искала связи и закономерности в любых случайностях, если было их больше одной, – эта его часть просто-таки остолбенела и застыла на месте. Имя девушки почти полностью совпадало с именем *той*, рожденной его писательской фантазией... Второе «я» – Кравцов-скептик – толкнул незримого коллегу локтем в бок: что, мол, челюсть-то отвесил? Если ты ее уже видел – и забыл, то с тем же успехом мог услышать ее имя, достаточно редкое, – и тоже забыть. А потом использовал в романе. Только и всего.

Короткая и невидимая миру схватка закончилась решительной победой Кравцова-скептика. И на слова девушки ответил именно он:

– Согласен, Ада. Но тогда ответная просьба: и вы зовите меня на «ты» и по фамилии, Кравцовым.

Он говорил и сам удивлялся себе – обычно переход на «ты» занимал у него куда большее время. Даже с молодыми симпатичными девушками.

– Вы тоже не любите... – начала было Ада, но быстро перестроилась: – Ты тоже не любишь свое имя?

– Полное – Леонид – еще ничего, – вздохнул Кравцов. – Так ведь все тут же начинают сокращать: Леня, Ленчик, Леон, Лео... Тьфу.

– Хорошо. Клянусь и обещаю: никаких Ленчиков! – Она засмеялась. – Кажется, по такому поводу полагается выпить на брудершафт?

Прозвучало это полушутливо. Но лишь полу-.

– Увы, здесь не наливают, – в тон ответил Кравцов, кивнув на церковь.

Она сказала неожиданно серьезно:

– Мне вообще не по душе этот храм... Какой-то он... Похож на лебедя с ампутированными крыльями.

Кравцов кивнул. Сравнение ему понравилось – точное и емкое. *Писательское*.

Церковь в Спасовке стояла когда-то красивейшая, знаменитая на всю округу – высокая, с девятью устремленными ввысь куполами, за много верст видными в хорошую погоду. И ныне, глядя на ее *остатки*, становилось ясно: архитектурный памятник был незаурядный. Но осталось после Великой Отечественной немного – всю верхнюю часть, все купола-маковки срезало как ножом снарядами. Потом, после войны, прилепили на скорую руку сбоку, на самом краю крыши один куполок под скудную звонницу – так он и стоял уж сколько десятилетий; и выглядела бывшая красавица-церковь странно и неприятно – действительно как лебедь с ампутированными крыльями... Точнее не скажешь.

– Тогда тебе придется пригласить меня в «Орион», – вернулась к теме Ада. – Единственное подходящее место здесь. Остальные – для иссыхающих от жажды пролетариев сохи и сенокосилки. А пить на брудершафт разливной портвейн – даже с известным писателем – совсем не романтично. Значит, кафе «Орион». Найдешь, где это? – спросила она, не давая Кравцову времени на раздумья.

– Найду, – ответил он с легким сомнением. В трафаретном сценарии знакомства Ада играла явно не свою роль. Мужскую. Времена... Или у поклонниц это общепринятая тактика?

– Тогда в семь вечера, у входа. Договорились? – Она улыбнулась так, что легкое сомнение Кравцова стало невесомым и бесследно рассеялось в околосемном пространстве.

– Договорились.

– А сейчас мне пора, – сказала Ада. – Надо немного побродить по кладбищу в одиночестве. Знакомые – когда узнали, что еду сюда на все лето – просили разыскать могилу одного предка. И привезти им фотографию.

– Может, поищем вдвоем?

– Не стоит... Место тут такое, что не стоит.

Сформулировала она не особо внятно, но Кравцов понял. Спасовское кладбище – спускающееся по склону к Славянке величественным амфитеатром – было старое, красивое и напоминало парк куда сильнее, чем уцелевшие возле графских развалин липы. Но прогулки с девушками здесь действительно казались неуместными...

...Глядя, как мелькает среди зелени, удаляясь, белое платье, Кравцов подумал: а ведь меня только что «сняли». Или «склеили». Впрочем, неудовольствия эта мысль не вызвала.

5

Вернувшись в вагончик, Кравцов первым делом загрузил в холодильник купленные продукты из двух полиэтиленовых пакетов. Затем прошел в бригадирскую, увидел компьютер – и вспомнил про обещанную Танюшке сказку. Учítывая его нынешнюю скорость письма, начать стоило прямо сейчас.

Кравцов включил свой раритет, уселся перед экраном, задумался. Сказка о предмете... Что бы этакое сочинить не слишком банальное? Описать клинок, дремлющий в музейной витрине и вспоминающий о былых сражениях? Не больно-то оригинально, кто только не живописал поток сознания колющих и режущих предметов. Стоит взять что-нибудь более современное... Пулю, например. Сочинить, как она уныло сидит в обойме, стиснутая шейкой гильзы, в окружении точно таких же товаров. Но она, в отличие от них – тупо и неохотно ждущих своей очереди отправиться в первый и последний полет, – она видит сны о прекрасном солнечном мире, и мечтает познать его, и мечтает вырваться – пусть с болью и кровью – из тесного плена. А потом – выстрел! И она летит, и успевает исполнить мечту за короткие мгновения полета – и разлетается на куски в конце его не от сидящей внутри капельки ртути – но просто от счастья. В финале можно добавить всего одну фразу – что взорвалась она, попав в голову парнишки-срочника при первом штурме Грозного...

Идея неожиданно понравилась, он даже потянулся к клавиатуре, но вовремя опомнился, представив такой опус в тетради пятиклассницы. Вообще-то теща жестко редактировала его «помощь» Танюшке... Но тут случай клинический, редактора бессильна.

Другой небанальный предмет в голову не приходил. Банальные же вызывали скуку. Он кинул взгляд вокруг. Ничего интересного.

И тут замурлыкал телефон.

Танюшка? – подумал Кравцов. Вот пусть и конкретизирует задание.

Но это оказался Пашка-Козырь.

– Паша, назови первый пришедший в голову предмет, – тут же попросил его Кравцов.

– Э-э-э... Кравцов, у тебя все в порядке? Может, мне подъехать? – В голосе Паши слышалась тревога.

– Назови, назови, мне для работы надо.

Козырь успокоился мгновенно:

– Так бы и сказал... Ну карандаш.

– Почему карандаш? – удивился Кравцов.

– А я его в руках держу... Слушай, я вообще-то по делу...

Дело у Козыря оказалось следующее: в пятницу он приезжает в Спасовку, Наташа с детьми придет в субботу или воскресенье – а пока они не подъехали, есть мысль сходить на охоту. Да он и сам знает, что весенняя закончилась, но у него есть разрешение на отстрел с научными целями. Нет, какие там лоси-медведи и большие компании, – скромно, вдвоем, пострелять по вальдшнепам на тяге... Короче: брать ружье для Кравцова? А-а, свое есть и к пятнице подвезет? Тогда все, пока.

Закончив разговор, Кравцов набрал большими буквами через весь экран обретенное с Пашкиной помощью название: «СКАЗКА О КАРАНДАШЕ», подумал и приписал сверху «Татьяна Кравцова». Пусть будет такой псевдоним...

Начало родилось на свет с изумительной легкостью: «Жил-был Карандаш...» А потом.

Потом он *увидел*. Увидел этот самый карандаш, и как он жил, и кем он был, и какие у него случились проблемы, и как он с ними боролся...

Он не видел текста, стремительно возникающего на экране. Не видел клавиш. Он оказался *там*. Внутри. В глупой сказке о глупом предмете...

Когда на экране появились слова «Тут и сказке конец», Кравцов медленно, походкой сомнамбулы, добрался до холодильника и достал припасенную на всякий случай поллитровку... Он *прозрел*! Сто наркомовских грамм принять по такому случаю полагалось... Он не задумывался о возможном качестве родившегося текста, и о том, что вернувшийся дар может и не коснуться создания триллеров, и о том, что карьера детского писателя-сказочника никогда его не привлекала... К чему задумываться? Только что, сию секунду прозревшему человеку все равно, что перед глазами – картина Рафаэля или панорама городской свалки, важен сам процесс...

Он выпил законные наркомовские и стал читать – медленно, вдумчиво. Потом – еще медленнее, внося необходимые правки. Теща, понятно, не оставит от сказки камня на камне... Не суть. Процесс пошел!

Кровавые мальчики исчезли из глаз.

Надолго ли?

Татьяна Кравцова СКАЗКА О КАРАНДАШЕ

Жил-был Карандаш. Жил в стакане, что на столе у Сережки. Их там много жило, карандашей. Но все были острые, а этот – тупой. Обидно.

Другие дразнились:

Тупой – геморрой!

Тупой – рот закрой!

Тупой – штаны с дырой!

Тупой! Тупой! Тупой!

Он хотел объяснить:

– Я не тупой, я просто незаточенный...

Куда там... Дразнили пуще прежнего, вовсе уж неприлично. Так жить нельзя. И Карандаш пошел к Точилке. (Карандаши часто гуляют, когда их никто не видит. Порой забредут куда-то – вовек не отыскать. Так и приходится идти в школу – без них.)

– Добрый день! Поточите меня, пожалуйста!

Карандаш был тупой, но очень вежливый. По жизни это помогало, хотя не всегда.

Точилка оказалась китайской. Красивая, в виде собачки. Морда у собачки-точилки улыбалась. А карандаши ей засовывали... В общем, с другой стороны.

– Сиво-сиво? – сказала Точилка по-китайски. – Мая-твая не панимай...

Вежливый Карандаш объяснил:

– Уважаемая Точилка! Разрешите мне засунуть, то есть засунуться, в общем, залезть вам в...

Он сбился и замолчал. Карандаш был молод и застенчив. И в первый раз имел дело с точилками.

Но Точилка поняла.

– Сунь-сунь? Эта мозина... – сказала она по-китайски. И добавила на чистом русском:

– Деньги гони!

Денег у Карандаша не было.

– А без денег никак?

– Сиво-сиво? – снова сказала Точилка. – Мая-твая не панимай...

Карандаш отправился к Рублю. Тот давным-давно закатился в щелку и лежал там, никем не замеченный.

– Уважаемый Рубль! Не могли бы вы дать... дать мне... в общем, дать мне себя, чтобы...

Карандаш опять сбился. Но Рубль все понял, он был очень умный. У него даже имелась голова – большая, лысая, изображенная в профиль.

– Вег'нуться в г'ыночные отношения... – вздохнул Рубль. – Заманчиво, заманчиво...

Увы, батенька, увы. Я неденоминиг'ован и сг'едством платежа послужить вам не смогу.

Карандаш не знал таких слов. Но понял, что ему опять отказали.

Рубль наморщил лысину и добро прищурился.

– Но дам вам совет, батенька. Тут недавно пг'олетал Доллаг'. Падал... Очевидно, на пол. Попп'обуйте договог'иться с ним...

– Спасибо, уважаемый Рубль. До свидания.

Доллара на полу Карандаш не нашел. Наверное, тот снова поднялся. Доллар надолго не падает.

В стакан Карандаш не вернулся. Ну их, этих острых, что считают себя умными. Грустный и несчастный Карандаш лежал на полу. Пыльно и скучно, зато не дразнят.

Там его и нашла Танюшка. И тут же радостно прокричала эту новость:

– Я нашла карандаш!!!

– Это мой! Отдай! – восстал Сережка против наглого передела собственности.

Счастье – это быть кому-нибудь нужным, подумал Карандаш, когда с двух сторон в него вцепились четыре руки. И стал счастлив.

Он счастлив до сих пор. Вернее, они – две половинки карандаша. Никто не дразнит их тупыми, обе заточены. Обе при деле: пишут, чертят, рисуют, подчеркивают, ковыряют в ухе... Регулярно навещают Точилку. Правда, после каждого визита становятся короче. Скоро совсем кончатся. Тут и сказке конец.

Глава 3

27 мая, вторник, вечер

1

Романный герой – если уж не получилось умереть с любимой женой в один день – просто обязан хранить верность усопшей супруге в течение хотя бы десятка глав после похорон. Закон жанра.

В романах писателя Кравцова действовали другие герои – да и сам он был другим. Нельзя любить мертвых, и невозможно изменить мертвым, – можно лишь хранить о них светлую память. По крайней мере, Кравцов считал всегда именно так.

Короче говоря, новая женщина в жизни Кравцова появилась через два месяца после гибели Ларисы. Появилась и быстро исчезла. Потом появилась вторая, третья – и тоже не задержались. После расставания с четвертой он понял – да, мертвых любить нельзя. Но попасть в ситуацию, когда заменить тебе ушедшую любимую никто не может, – вполне реально. Что, собственно, с ним и произошло.

Не то чтобы у него так уж свербело уложить кого-то в неостывшую супружескую постель... Нет, скорее хотелось заполнить хоть чем-то огромную зияющую дыру, появившуюся в его жизни. Чтобы самому не свалиться туда...

К пятой своей попытке – произошла она совсем недавно, месяц назад – он подходил аккуратнейшим противоторпедным зигзагом. Не хотел, если что не сложится, портить жизнь хорошей девчонке.

Но казалось – на этот раз сложится все. Во-первых, была Жанна умной женщиной, а с дурами, на какие бы чудеса они ни оказались способны в постели, у Кравцова дольше недели романы не затягивались. Во-вторых – общность профессиональных интересов. Она занималась всем понемногу – переводила с английского, редактировала, писала критические статьи, – и все вполне успешно... Пробовала силы и в беллетристике – здесь результаты оказывались немного хуже, самостоятельно выстроить сюжет у Жанны не получалось, но в соавторстве была способна сработать неплохую вещь. Чем не подруга жизни для писателя? Наконец, в-третьих, Кравцов считал, что разница в возрасте у них идеальная для супружеской пары: ему тридцать три, ей двадцать шесть. Все шло своим чередом, ни он, ни она не торопили события, но и не медлили, и казалось...

Потом рухнуло все.

Это случилось в тот вечер, когда Жанна впервые пришла к нему. Речь не шла о надуманном предлоге, и о настойчивых уговорах, и о не менее настойчивом псевдосопротивлении, и о словно бы вынужденной капитуляции, и о первом торопливом акте в полураздетом состоянии... – просто два взрослых человека по обоюдному согласию решили перевести свои отношения в новую плоскость.

Она приняла душ и направилась в спальню, он зашел в ванную вторым, когда вышел – Жанна уже лежала на кровати, не погасив свет, совершенно обнаженная, никакого суперэротичного белья на ней не было... Лежала на боку, опираясь на один локоть. Наверное, Жанна считала эту позу самой выгодной для одновременной демонстрации и груди, и бедер, – и обоснованно, грудь и бедра оказались у нее действительно прекрасные, но...

Потом Кравцову казалось, что все у них хрустнуло и пошло мелкими трещинками как раз в ту секунду – когда он увидел на ее бедре прыщик. Обычный прыщик – небольшая красная припухлость и вовсе уж крохотная белая головка, ерунда, мелочь, через два дня пройдет без

следа... Но именно тогда все кончилось, не начавшись. А может, тот злосчастный прыщик был ни при чем, просто взгляд на него совпал с моментом, когда Кравцов осознал окончательно: если все пойдет, как идет, эта женщина часто будет лежать здесь и в этой позе. А Лариса – не будет никогда. Даже призрачная, даже сотканная его воображением из разрозненных нитей воспоминаний – не будет. Потому что призраку женщины нет места рядом с другой женщиной, живой и реальной...

Нет, он не предложил ей одеваться и не сунул столик на такси. Он лег рядом, и – внешне – все пошло, как и было задумано... Но будущего, общего будущего, у них не стало, – и Жанна чутьем, присущим всем женщинам, и умным и не очень, поняла это сразу.

Разошлись друзьями – в расставаниях с умными женщинами есть свои преимущества.

2

Обо всем этом Кравцов вспомнил, коротая время, оставшееся до встречи с девушкой Адой. Аделиной...

С девушкой, ворвавшейся сегодня утром в его жизнь совершенно неожиданно – при этом тем же способом, каким он сам привык появляться в жизни женщин.

С девушкой, немного похожей на Ларису. И – на другую женщину, созданную им самим из ночной тьмы и лунного света, на Лучницу, никогда не промахивавшуюся... Почему-то Кравцов-мистик был уверен – при нужде Аделина не промахнется тоже.

И не мечтай, старый хрыч, подал голос Кравцов-скептик, незачем ей такая дичь, есть у нее наверняка молодой щенок, не избавившийся от юношеских угрей, но способный часами дергаться под оглушающую как-бы-музыку молодежного ночного клуба... Потешит свою гордость, появится на публике под ручку с писателем, – и адью, мсье Кравцов.

Ну это мы еще посмотрим, поставил точку в споре Кравцов главный и единственный. Его, по большому счету, порой можно было взять «на слабо»...

От этих мыслей или еще отчего Кравцову захотелось опять прочитать свою сегодняшнюю сказку. Но включить снова компьютер он не успел. В вагончике погас свет.

И сразу стало темно, хоть вечер был и не поздний – графские руины прикрывали сторожку от заходящего солнца. Да и окна в ней – кроме одного, в бригадирской – оставались закрыты ставнями.

Кравцов чертыхнулся, прошел к пульту – совсем как в недавнем сне. Дернул рубильничек. И остановился. Замер...

Такого не могло быть – и тем не менее было.

Дело в том, что, осматривая домик с Пашей, он не заметил крошечные лампочки-аварийки среди многочисленных отверстий потолка, обшитого перфорированной картонно-асбестовой плиткой. Потом он их тоже не видел, тем более включенными... Наяву не видел.

ЛИШЬ В НОЧНОМ КОШМАРЕ.

Теперь – впервые – аварийное освещение зажглось в самой натуральной реальности.

Загорелись ДВЕ лампочки.

На ТЕХ ЖЕ местах.

И с ТОЙ ЖЕ еле-еле теплящейся яркостью.

Детали кошмара повторялись наяву со стопроцентной точностью. Такого не могло быть – и тем не менее было.

Спокойно, сказал себе Кравцов. Хватит на сегодня мистики. Все очень просто – я все-таки заметил эти крохотные стекляшки. Запомнил их местоположение – чисто подсознательно. Так же подсознательно вывел из размера возможную мощность. И – задвинул всю эту информацию на дальний угол чердака.

А потом...

Потом мозг лепил тот кошмар из обрывков реальных воспоминаний – из Пашкиного рассказа о кастровом провале, из историй о медленно затопляемых отсеках подлодок – после «Курска» их появилось предостаточно. И всплыла неосознанно запомнившаяся информация. Так что никакой мутной мистики.

Легче от логичного и здравого объяснения Кравцову не стало. Слишком много подобных объяснений требовалось в последнее время. Что ни шаг – ломай голову над рациональными причинами *странного* ...

Впрочем, это не повод, чтобы сидеть при аварийном освещении и сажать аккумулятор. Кравцов прошел на кухню – днем заметил там стеклянную банку с полуоплывшей свечой, стояла она наверху, на фанерном как бы буфете.

На кухне аварийную лампочку посчитали излишней. Оно и правильно, нечего при ЧП шастать по холодильникам. Свет горит у начальника – потому что он начальник. И над выходом – на всякий случай.

Кравцов приподнялся на цыпочки, зашарил пальцами по изрядному слою пыли, покрывавшему буфет. И почти сразу нащупал – но не банку со свечой, а нечто плоское и широкое... Достал не то тетрадь, не то большой блокнот, в темноте не разобрал. Продолжил поиски – и через минуту в бригадирской затеплился дрожащий желтый огонек.

Вторичное чтение Танюшкиной сказки отменилось. Забытую кем-то тетрадь тоже стоило посмотреть при нормальном свете. Ну а переодеться и собраться можно и при этом прадедовском освещении.

Если бы Кравцов тогда знал, как все повернется и чем все закончится – сел бы читать тетрадь немедленно, плюнув на темноту и предстоящее свидание – хоть при свече, хоть при лучине, хоть при зажигаемых одна за одной спичках...

Но он не знал.

3

У девушек считается хорошим тоном помучить кавалера перед первым свиданием, опоздав минут на двадцать-тридцать, и Кравцов ожидал чего-то подобного, – но Ада пришла вовремя. Они с Кравцовым подошли к «Ориону» одновременно, с завидной английской точностью.

Он украдкой скопил глаза на «Командирские» часы – без одной семь. Не опоздал.

Ада, однако, этот взгляд перехватила. И ответила на невысказанные мысли Кравцова:

– Опаздывать на свидания стало дурным тоном в конце прошлого, двадцатого века. Современная бизнес-леди идет на свидание минута в минуту: в деловом костюме с галстуком, с ноутбуком и мобильным телефоном, в ходе трапезы просматривает по пейджеру котировки валют, а в конце ужина расплачивается – за себя – пластиковой карточкой «Маэстро»...

Кравцов заинтересовался ее трактовкой имиджа современной деловой девушки. Себя Ада, похоже, к таковым не относил. Костюм с галстуком и ноутбук не наблюдались – белые брючки в обтяжку, белая же блузка, туфли на низком каблучке. Впрочем, крохотный мобильник висел на шнурке – кулон технократичного века.

– А что бывает после ужина с бизнес-леди? – спросил Кравцов. – Ради чего все затевается? Смотреть валютные котировки и расплачиваться за себя можно и в одиночестве.

– После... После, я думаю, деловой костюм все же снимается. Но включенный пейджер лежит рядом с подушкой – вдруг доллар резко поднимется?

Они засмеялись. И зашли в кафе «Орион». Вернее, прошли сквозь дверь, над которой имелась вывеска с таким названием. Само заведение таилось где-то в глубинах здания – повинаясь стрелкам-указателям, они пересекли зал-вестибюль с запертым гардеробом, прошли длинным коридором, оказались во втором зале – судя по низенькой эстраде с допотопными

гробообразными колонками и отполированному подошвами полу, по уик-эндам в нем проходили дискотеки. Далее путеводные стрелки провели их через второй коридор – над выходящей в него дверью вновь висела вывеска «Орион», чуть поменьше уличной. Из-за двери доносилась музыка.

Кафе оказалось уютней, чем ожидал Кравцов. Все из дерева – деревянные панели на стенах, деревянная мебель, деревянная стойка бара с одревеневшим от скуки барменом. Столы стояли двумя рядами вдоль стен достаточно большого помещения, оставляя посередине обширное пустое пространство. Очевидно, здесь тоже танцевали, но не сейчас, хотя бодрый голос Расторгуева из магнитофона призывал мальчиков как раз танцевать и любить девочек.

Впрочем, девочки как объект любви наличествовали – в составе разнополой компании, сдвинувшей два стола у самого входа. Компания казалась не особо шумной и в меру трезвой. Кравцов скользнул по ним беглым взглядом – молодые, незнакомые. Других посетителей в кафе не обнаружилось.

– И что мы будем пить? – спросил Кравцов, подходя к стойке. И не добавил: «на брудершафт».

– Смотря что они могут нам предложить, – ответила Ада как-то рассеянно. И оглянулась на компанию у дверей.

Кравцов изучал прейскурант в течение минуты, а когда повернулся к Аде с конкретными идеями по поводу заказа – увидел оказавшегося рядом с ней парня. Парень поглядывал на него с нехорошим интересом.

Кравцов не отвел взгляд. Проведя в Спасовке немалую часть детства и юности, он неплохо разбирался в тонкостях сельского этикета. И знал: если чужак – а за пятнадцать лет он им стал – появится здесь с девушкой и хоть на мгновение покажет слабинку – дело труба. Он стоял и внимательно смотрел на парня.

Если бы у того ноги соответствовали прочим пропорциям тела, он наверняка превзошел бы ростом Кравцова. Но они, ноги, оказались на редкость короткие и кривые, – и парень был на полголовы ниже. Зато размахом плеч, пожалуй, не уступал, а размерами кулаков – превосходил. Надежд на то, что это еще один поклонник, не осталось, – люди с такими лицами читают лишь этикетки на дешевых бутылках, и то по складам.

Ада сделала два шага в сторону. Здешняя она или нет – но этикет соблюдала.

Немая сцена затягивалась, и парень ее нарушил:

– Эт'кто ж ты такой, что наших девчонок кадришь, а?

Начало, затертое до банальности, подумал Кравцов. Хотя вопрос был сформулирован предельно четко, отвечать на него не следовало. Он ответил, как должно, смешав в тоне нужную пропорцию спокойствия, холодной угрозы и некоторой даже ленцы:

– Ты заблудился, мальчик. Это бар для взрослых. Пепси-колу продают за углом.

Парень выглядел чуть постарше Ады – двадцать один, двадцать два... Но не стал обижаться и вступать в перепалку, когда его определили в сопляки.

Он радостно осклабился и начал отводить кулачище для удара – медленно и далеко, куда-то за спину.

Пока он это проделывал, человек с хорошей реакцией успел бы купить коктейль, выпить его, перекурить – и затем нанести парню телесные повреждения легкой или средней тяжести – по выбору.

Кравцов за то же время прокачал ситуацию. Это мог оказаться одинокий дурак, ищущий на свою голову приключений. Но мог быть и посланник окопавшейся у дверей компашки. Судя по тому, как откровенно подставляется, – верно второе.

Он не ударил парня. Быстро толкнул двумя руками в грудь – не слишком сильно. И одновременно наступил на носки обеих кроссовок противника.

Подобный прием не описан в учебниках по карате-до, но в разборках сельских парней применяется часто. Цель тут не покалечить, а сделать смешным. Когда на тебя *смотрят*, второе бывает порой важнее. Кравцов надеялся, что от «городского» никто такого приема не ожидает, – так и вышло.

Устоять было невозможно. Парень рухнул на спину. Падать он умел – мгновенно подогнул голову к груди и успел выставить локоть – но всего один, опереточный замах правой сослужил дурную службу.

В общем, парень явно знал толк в драках – жестоких, дворовых, без правил и ограничений. Он чувствительно приложился правым боком, но стремительно откатился в сторону. И лишь там, вне досягаемости для возможных ударов ногами, быстро поднялся – грамотно прикрываясь при этом.

Кравцов следил за ним внимательно. *Раньше* никто в такой ситуации за нож хвататься бы не стал. Сейчас времена другие, и возможно *все*.

– Атаc!!! – яростно выкрикнул магнитофонный Расторгуев, и песня смолкла.

В наступившей тишине прозвучал голос, полный уверенности, голос человека, не привыкшего повышать тон, – все и так будут прислушиваться.

– Это кто же тут обидел моего ненаглядного Гномика? Уронили Гнома на пол, оторвали Гному лапу...

Кравцов повернулся, не выпуская из вида парня – надо думать, известного как Гном.

Компания у двери на удивление быстро рассортировалась – мальчики отдельно, девочки отдельно. Девочки остались за столами, а мальчики неторопливо двигались к стойке, перекрыв проход. Было их семеро, на вид – ровесники Гнома. Впрочем, один, уверенно идущий по центру и чуть впереди остальных, выглядел на несколько лет старше. Именно ему принадлежали слова про обиженного Гнома.

Улыбки на лицах семерки кривились самые паскудные. Дверь оказалась за их спинами. Выход был перекрыт.

4

Жил бы тринадцатилетний Васек Передугин в Санкт-Петербурге, то наверняка получил бы от сверстников прозвище «Спелеолог». Или «Диггер». Но поскольку жил он в деревне Поповка – еще даже меньшей, чем Спасовка, то и прозвали его попроще: «Вася-пещерник». И неспроста. Васек не просто любил лазить по всевозможным пещерам и подземельям. Он их строил. Вот и сейчас он направлялся к берегу, чтобы... Впрочем, все по порядку.

Если вы вдруг поедете на автобусе от Спасовки в сторону Павловска, то через пару километров женщина-кондуктор обязательно объявит: «Остановка ВИР! Кто вошел, предъявляем карточки, оплачиваем проезд!» Если же карточки и денег у вас отчего-то не окажется (всякое в жизни бывает), то злобная кондукторша наверняка вас высадит, наябедничав водителю. Но не расстраивайтесь, оказавшись в одиночестве на унылой остановке. Вокруг достаточно интересного.

Можно отправиться к ВИРу – к питомнику Всероссийского института растениеводства – если вас интересует покупка саженцев экзотической японской сливы или банальной российской яблони. Если же шесть соток не висят тяжким камнем на вашей шее, если вы турист, изучающий родной край с бескорыстным интересом, то вам стоит спуститься к протекающей поблизости от остановки речке Поповке. Она – приток Славянки, в чем нетрудно убедиться, пройдя берегом недалеко вниз по течению.

Но вам лучше отправиться в другую сторону, к одноименной речке деревне, и вот почему.

Поповка абсолютно не похожа на свою старшую сестру, Славянку, – случается с сестрами такое. Славянка течет медленно, неторопливо пропуская воду из одного неширокого,

но глубокого мутноватого омутка в другой, и на перекатах зеленые ленты водорослей колыхаются лениво от едва заметного летом течения. Поповка же речушка мелкая, быстрая, с идеально прозрачной и даже в жару холодной водой, позволяющей увидеть на дне каждый камешек. Весьма разнятся и берега рек. Долина Славянки огромная, пологая, покрытая полями и рощицами, – способная вместить реку чуть не с Неву размером, она напоминает тем, кто забыл, о временах, когда таяли покрывшие Европу ледники и огромные потоки заполняли только-только возникающее Балтийское море. Поповка возникла тогда же и тем же образом, но на пути ее русла попались куда более твердые породы. И поток, не растекаясь, как ножом прорезал Пяйзелевскую возвышенность – получился относительно узкий и глубокий каньон с отвесными стенами. Открывается для взгляда он совершенно неожиданно. Можно идти себе по полю, не ощущая ни малейшего понижения местности – и вдруг обнаружить под ногами отвесный скальный обрыв. Напротив – другой. А глубоко под ногами по плоскому дну каньона змеится речонка, которую ну никак не заподозрить в свершении столь титанических земляных и горнопроходческих работ...

Так что если вы еще не передумали пройтись по окрестностям и взяли с собой корейский фотоаппарат-мыльницу, то можете привезти домой интересные снимки скалистых берегов. И ваши знакомые будут гадать, где же они сделаны: Урал? реки Сибири? каньон Рио-Колорадо? – но вовек не догадаются, что сей пейзаж имеет место в тридцати верстах от Петербурга. Но старайтесь, чтобы в кадр не попал стоящий на краю обрыва парничок или сарайчик-развалюха – берега Поповки населены достаточно густо. А если вы пройдете еще выше по течению, то... Впрочем, достаточно. Отправляйтесь и осмотрите все сами. Пора вернуться к Васе Передугину – он преодолел уже половину расстояния от своего дома до речки.

Прошлой осенью Васек (тогда еще не «Пещерник») побывал со своим классом на экскурсии в Саблино. Знаменитый Саблинский водопад Васю разочаровал – невысокий, воды падает мало. Но пещеры – огромные, с тысячами перепутанных коридоров и подземных залов – привели в восторг. Зануда-училка, понятное дело, не дала осмотреть и сотой доли подземных красот. Спускались в пещеру группами по десять человек, совсем неглубоко и под ее присмотром – ежеминутно считала по головам и чуть ли не держала за шиворот. В общем, через три дня Вася Передугин вновь приехал в Саблино – с двумя приятелями, фонарем, свечами и тайком позаимствованной дома полуторакилометровой бухтой нейлонового шнура...

Вернувшегося за полночь Васю – по уши грязного и тащившего огромный перепутанный ком столь же грязного шнура – отец нещадно выпорол. Однако – не помогло. Васек заболел страстью к пещерам. Но обнаружилось препятствие – объект страсти находился слишком далеко. Поблизости подобных чудес природы не было. Лишь на уступе обрывистого берега Поповки, примерно на половине его высоты, имелась крохотная даже не пещера – выемка. Сверстники Васи часто разводили там костер и устраивали подростковые посиделки. Там его и осенила идея – весьма нетривиальная. САМИМ ВЫРЫТЬ ПЕЩЕРУ!!! Именно здесь – готовый вход для нее уже есть. В конце концов, если верить экскурсоводу, Саблинские пещеры тоже рукотворные. Много десятилетий там добывали сырье для стекольной промышленности.

Мысль была не столь абсурдная, как казалась на первый взгляд. Берега Поповки образовывала мягкая порода, легко крошащаяся от слабых ударов.

Вася, не откладывая, поставил контрольный опыт – результатом недолгих манипуляций с топориком стала ямка с футбольный мяч размером. Приятели смотрели с интересом.

Как часто бывает, новая идея захватила многих. Начинались даже яростные перепалки: кому первому долбить? – растущий забой не вмещал желающих. Пришлось сделать развилку на два хода, что очень нравилось Васе. Ему хотелось построить *лабиринт*. Что за радость в одном, заурядном как прямая кишка, тоннеле?

Как бывает еще чаще, первоначальный энтузиазм погас быстро. С увеличением пещер ежедневный прирост становился все менее заметен. И у землекопов начали появляться реальные и выдуманные предлоги пропустить смену... Темп строительства катастрофически падал.

Кончилось тем, что последние месяцы стройку посещал один Вася. За что приятели его и прозвали «Пещерником». Недоброжелатели добавляли: «Чокнутый Пещерник», что являлось форменной клеветой. Все на свете он ради этого увлечения не забросил. Но не реже раза в неделю появлялся в заброшенной пещере и проводил три-четыре часа за упорной работой. Им двигала какая-то мрачная гордость. Будут рано или поздно Поповские пещеры! Ну поменьше Саблинских, конечно... Но все будут знать, что воздвиг это чудо ОДИН ЧЕЛОВЕК! Он, Василий Передугин.

...Васек двинулся, низко согнувшись, от развилки влево. Здесь, совсем близко от входа, медленно рос довольно обширный зал. Именно над его расширением Вася трудился последние месяцы, отложив до лучших времен правый ход, узкий и короткий.

Он просунул голову в зал, подсвечивая фонариком с изрядно севшими батарейками. И сразу понял: что-то не то. Пещеру он знал до мелких деталей. Нечто, темневшее у дальней стены, никак не должно было там находиться. И в другом месте зала – не должно. В пещере появилось что-то чужеродное.

Вася сделал три маленьких, опасливых шажка вперед. И тяжело вздохнул. Куча тряпья, рядом что-то поблескивает, наверняка осколки стекла.

Все, конец великому начинанию. Бомжи присмотрели подходящее для логова местечко. Сколькo интересных подвалов ими уже изгажено...

(До пещер Васек увлекался именно подвалами и часто бывал в подземельях расположенной не так далеко крепости Бип, но два года назад перестал, после вызвавшей серьезное нервное потрясение находки, сделанной весной им и приятелями в дальнем, полузасыпанном каземате крепости. И целый год – до Саблино – не спускался под землю.)

Васек в сердцах ударил ногой валявшийся обломок. Он улетел в полутьму. И тут куча тряпья зашевелилась. И села. И оказалась человеком.

Человек откинул тряпье и повернулся к Васе. Луч фонаря после полной темноты должен был слепить человеку глаза, он не мог ничего видеть – но, похоже, видел. Он должен был щуриться и прикрывать глаза ладонью – но не щурился и не прикрывал.

Вместо этого начал подниматься – молча. Нечто, поблескивавшее рядом с ложем, двинулось за рукой человека. Это оказалось не стекло. Это оказался нож, или даже...

Васек не стал заканчивать мысль. Он уронил фонарь, взвизгнул и бросился к выходу. Никто другой в темноте не смог бы развить такую скорость. На рефлексах, ничего не видя, он пригнул в нужном месте голову, с другом поднял выше ногу, не споткнувшись и не упав. Топот страшного человека грохотал сзади – такой же быстрый.

Вася выскользнул наружу, чуть не кубарем скатился по крутой осыпи каменных обломков. Не обращая внимания на намоченные ноги, перебежал речонку и лишь на другом берегу рискнул обернуться. Погони не было. Но... что-то шевельнулось в темном жерле пещеры. Васек побежал снова. Через десять минут, попетляв по кустарнику, исцарапав лицо и руки, он перешел на шаг. И только тогда заплакал – молча, зло, без всхлипываний. Шел, размазывая по лицу грязь и слезы. Пропал фонарь. Пропал мешок с инструментами, он не помнил, где и когда уронил его, – и за пропавшие зубило и кувалду отец без долгих слов возьмется за ремень...

Рассказывать кому-то о происшествии не хотелось. Да и что тут расскажешь? Напал, дескать, бомж *с мечом*? Или с саблей? Повертят пальцем у виска – свихнулся парень в своей пещере. Где вы видели бомжей с мечами? Финка еще туда-сюда. Но Вася не сомневался, что ножом это быть никак не могло, даже самым здоровенным, мясным или хлебным, – не могло...

...Человек, столь напугавший его, в погоню не бросился. Даже внутри пещеры – за его топот перепуганный Вася принял эхо собственных панических шагов. Человек двинулся к

выходу чуть погода и успел увидеть лишь исчезающую в кустах спину Передугина. Тогда он вернулся обратно. Двигался в темноте человек не менее уверенно, чем Вася, – очевидно, довольствуясь доходящими снаружи отсветами. Он присел на свое импровизированное ложе, положил поперек колен холодную сталь, надолго задумался. На улице стояло летнее тепло, но здесь было более чем прохладно. Человек не замечал этого. Холод его не пугал. Слабым местом человека был крепкий сон – и он предпочитал для ночлега укромные места. Это оказалось не столь уж укромным. Он-то думал, что если и сунется пацанье – то шумной компанией, издав слышную... Но проклятый парнишка возник бесшумно, как привидение... В одиночку. Вернется с кем-нибудь? Или навсегда забудет сюда дорогу? Об этом стоило поразмыслить. Уходить с удобного для его целей места не хотелось...

...Вася Передугин возвращаться не собирался. Ну и пусть, ну и пусть не будет никаких Поповских пещер, пусть живут в этой дыре поганые бомжи и пусть она рухнет им на головы!

Но постепенно злость и обида за пропавшие труды начали менять его настрой. У Васи стали появляться некие смутные планы...

5

Кравцов свои шансы не переоценивал.

Он имел немалый опыт в практикуемых здесь боях без правил, да и на службе кое-чему научился, особенно в последний год, когда пришлось сменить должность командира ВРОБа (взвода ремонта и обеспечения) на несколько менее мирную, дабы осталось что отремонтировать и обеспечивать.

Но именно поэтому он знал – у одного шансов против семерых (считая Гнома – восьмерых) нет и не бывает. Если, конечно, дело происходит не в Голливуде и противники услужливо не подходят к мастеру кунг-фу поодиночке. Даже три-четыре не страдающих дистрофией пэт-эушника могут отметелить любого черного пояса – кто-то зайдет сзади, собьет с ног...

Вариантов было два.

Попробовать решить дело словами, напирая на то, что обиженный Гном жив, здоров и трудоспособен. В лучшем случае дело могло закончиться двумя-тремя минутами позора и проставлением выпивки для всей компании. В худшем – парой выбитых зубов.

Либо, не обращая внимания на остальных, свалить, если удастся, жоака – благо тот за чужие спины не прячется. Повезет – шакалы после этого разбегутся. Не повезет – лучше и не думать, что будет, но парой зубов не отделаешься...

Семерка приближалась.

Решать стоило быстро.

Он быстро взглянул на Аду. Она прижалась к стене, смотрела на него. Кравцову показалось – оценивающе.

Он двинулся навстречу жоаку – не торопясь, усилием воли согнав напряжение с лица – не спугнуть, не насторожить раньше времени. И сам внимательно вглядывался в лицо противника, в глаза – мало кто способен не выдать взглядом и микроимимикой удар за долю секунды до его нанесения.

Расторгуев за спиной грянул про Аляску. Жоак недовольно взглянул через плечо Кравцова на бармена – музыка вмиг смолкла.

В этот момент Кравцов ударил – легонько ткнул жоака в живот. Тот не остался в долгу – с размаху, звучно хлопнул ладонью по плечу. Затем они обнялись – не забывая, впрочем о похлопываниях. Потом отодвинулись, всматриваясь друг в друга.

– Алекс!

– Тарзан! Х-хе... Не узнал ведь, почти до конца меня не узнал... Да и я не сразу... Зама-терел, заматерел...

- Почем помидоры, Алекс?
 - Одна кучка – вся твоя получка!
- Оба радостно захохотали.

Едва ли кто-то из шакалов понял, в чем смысл и соль их стародавней подколки, но все дружно заулыбались. Впрочем, шакалами они теперь не выглядели – так, обычные парнишки.

Лишь Гном глянул на Кравцова волком, массируя правый бок.

Алекс – глаза у него на затылке, что ли? – как-то заметил и взгляд, и движение. Повернулся, нахмурился.

– Извинись перед писателем, Гном. А потом пойдешь домой и займешься онанизмом. Не порти вечер встречи.

А ведь Алекс-Сопля, пожалуй, Первым Парнем на деревне стал и до сих пор остается... никому другому такие слова непозволительны... – думал Кравцов, пока Гном мялся перед ним, выдавливая слова извинения:

- Ну... ты, это... не знал я... извини, в общем...

...Алекса старшие ребята, ровесники Кравцова, прозвали когда-то «Соплей» не за подверженность частым насморкам. Просто он предпочитал проводить время в их компании, будучи лет на шесть или семь младше, – и оказался единственным там сопляком-маломерком. Тем не менее занял в ней свое место, закрепился, получил какой-то статус... Не самый почетный, понятно, – часто приходилось выполнять роль мальчика на побегушках. Но «Соплей» тем не менее звали его лишь за глаза, и то не часто. В один из дней Сашка Шляпников решил, что будет он не Шуриком и не Саньком – но именно Алексом. И не сразу, но добился своего. Самым простым способом – никак не реагировал на любые иные обращения. Даже голову не поворачивал. Порой бывал бит за такое – авторитетные старшие пацаны сами решают, как кого кликать, – но стоял на своем. А за «Соплю» сразу лез в драку – с *любим* противником. Все в компании были сильнее и крупнее его, но предпочитали не связываться. Человек тоже крупнее разъяренной кошки, а поди, подступись. Драку взбешенный Алекс прекращал, только когда не мог уже подняться с земли. И вот, пожалуйста, – Первый Парень на деревне, причем в возрасте, когда почти у всех к этому титулу добавляется слово «бывший»...

– Не поверю, что писатель Кравцов в детстве раскачивался на лианах и бил себя кулаками в грудь с дикими воплями... Почему Тарзан? – спросила Ада спустя полчаса. Они сейчас втроем сидели через два стола от покинутой Алексом компании.

- Было одно дело... – туманно пояснил Кравцов.

– Да не канай ты под скромного, – сказал Алекс. – «Тарзанка» у нас оборвалась как-то. Высоченная, над Торпедовским прудом. Один пацан полез привязывать – и сверзился. Гнилой сучок подвернулся. Ладно хоть не поломал себе ничего. Ну остальные зассали. Меня подначивали – мол, самый легкий. А я им что, мартышка? Ну а Ленька залез – и стал Тарзаном.

– А я боюсь высоты, – сказала Ада. – Могу живыми мышами жонглировать и змею вместо ожерелья носить, а едва какой обрыв или хотя бы балкон в высотке – все. В глазах темнеет, сердце чуть не останавливается, дышать нечем...

– Бывает, – кивнул Алекс. – У нас вот один чувак не может штепсель в розетку всунуть или вынуть. Бздит двести двадцать огрести. Знает, что изоляция, – все равно бздит.

С Адой он держался как со своей знакомой – не слишком близкой. Но пару раз Кравцов заметил обращенные на нее взгляды Алекса, значения которых не понял.

– Лады, пойду я к своим, – сказал наконец Алекс, поднимаясь. – Выведу их прошвырнуться, засиделись. А вы посидите, готовка здесь клевая. И народу мало.

– Попробуем, – кивнула Ада. Поднялась тоже, сделала несколько шагов к стойке, стала изучать преysкурant горячих блюд.

- У Гнома с ней что-то было? – вполголоса спросил Кравцов.

– Эта кошка ходит сама по себе, – сказал Алекс, посмотрев на Аду тем же непонятым взглядом. – А Гном за девками вообще не бегаёт.

– Неужто голубой? – усомнился Кравцов.

– Не знаю. Не замечен. Так, пустой базар, – сухо сказал Алекс. – Может, в детстве не в тему со стога сиганул – елдаком на вилы? Но чувак душевный... – И он повысил голос: – Гномик! А ты что тут отираешься? Я, кажется, сказал тебе куда-то пойти и чем-то заняться?

Гном, приткнувшийся к компании с краешка стола, поднялся и поплелся к выходу, опустив плечи.

– Шли по лесу гномики, оказались гомики! – глумливо выкрикнул в спину кто-то из парней.

Гном не обернулся.

Динамит себе такого никогда бы не позволил, подумал Кравцов, вспомнив лидера *их* компании. Так ведь и не расспросил о его гибели Пашку...

Мысль мелькнула мимолетная, почти случайная, ему и в голову не пришло позвонить прямо сейчас, не откладывая, Козырю и выспросить подробности той старой трагедии... Зачем, в самом деле?

Потом Кравцов часто жалел об этом.

Но было поздно.

6

Над Спасовкой светила луна – почти полная, лишь чуть-чуть пошедшая на убыль. Декорация для прогулок с девушкой самая романтическая.

Теоретически Кравцову надлежало уже бдительно сидеть на посту, – но он надеялся, что гипотетические похитители ненаглядных Пашкиных эксклюзивных плит ночь для своих черных замыслов выберут безлунную. И заявятся попозже, за полночь.

Они (не похитители, Кравцов с Адой) шли по улице – главной и единственной, прогоны не в счет, – и говорили о чем-то, Кравцов сам не очень понимал – о чем. Происходящее было сродни писательству, когда он не осознавал, что пишет, когда порой приходилось читать только что набитый текст, как увиденный впервые. Наверное, он говорил именно то, что надлежало сказать, разговор не ломался, тек легко, не прерываемый тяжелыми паузами, но...

Но большая часть сознания Кравцова в нем не участвовала. Она холодно и отстраненно анализировала события этого вечера. А именно – поход в кафе «Орион».

ТАМ ВСЕ БЫЛО НЕ ТАК.

Вполне возможно, что обычному человеку все показалось бы достоверным, но не Кравцову. Ему часто приходилось разбирать по косточкам, по деталькам собственные сюжеты, ища и находя нестыковки, несообразности, *неправильности*.

Навык оказался вполне применим в реальной жизни.

Первой *неправильностью* стал Гном. Здоровый парень, явно не дурак подражаться. *Для заводки*, для провокации выпускают обычно вперед совсем других – тщедушных, на вид – соплей перешибешь. Чтобы потом вступить с полным осознанием своей правоты: маленького, мол, обидели! В компании Алекса такие – мелкие – имелись. По меньшей мере двое. Так почему Гном?

Далее. Алекс дал понять, что узнал Кравцова буквально за несколько секунд до того, как тот узнал Алекса. Что поднялся из-за стола и пошел навстречу неизвестному городскому лоху. Допустим. Но не так уж Кравцов неузнаваемо изменился за годы – и если Алекс знал, что писатель Кравцов в Спасовке, то *должен был* узнать его раньше. Они с Адой вошли, что уже привлекает внимание, шли к стойке под светильниками, по самой освещенной части зала... Если же Алекса никто о появлении Кравцова и о том, чем тот занимается, не известил, – отчего

он почти сразу потребовал от Гнома извиниться перед *писателем*? Алекс и библиотека, Алекс и чтение книг – вещи несовместные.

И еще. Кравцов хорошо чувствовал речь, как письменную, так и устную, – и ему показалось, что, сидя с ними – с Кравцовым и Адой – за одним столиком, Алекс намеренно упрощал и огрублял свой лексикон. Слегка наигранными звучали его «елдаком на вилы», «зассали», «бздит»... Немного раньше – к Гному и к стоящему у стойки Кравцову – Алекс обратился чуть-чуть иначе.

Все эти построения могли объясняться обычной мнительностью.

Или – все произошедшее было срежиссированным спектаклем.

Но никто не готовит спектакль, не расставляет декорации и не собирает актеров, не зная – придет или нет единственный зритель...

Зрителя в нужную точку пространства-времени привела девушка Ада.

Наверное, та часть его сознания, что поддерживала легко текущий разговор, тоже отвлеклась на эти рассуждения. По крайней мере в какой-то момент он понял, что Ада молчит. И – что она остановилась. Он тоже остановился, повернулся к ней... И замер.

Девушка Ада исчезла. Просто исчезла.

Не было ее в этом ракурсе и в этом освещении.

Подняв лицо к лунному диску, стояла его жена.

Кравцов смотрел на нее молча и оцепенело. В голове крутились обрывки одной мысли: кладбище... сегодня днем... я проводил ее до кладбища...

А потом случилось то, что он видел лишь в кино и считал режиссерским изыском: когда персонажи ведут диалог, не раскрывая рта, не шевеля губами – но слышны их закадровые голоса. Но звучали голоса в голове Кравцова.

Зачем ты пришла?

Ты ведь звал, ты ведь сам хотел этого...

Но как... каким образом?!

Надо хотеть, надо очень хотеть, надо тянуть туда руку, чтобы за нее можно было ухватиться...

И... что там?

Там ничего... Пустота... Бездна...

Что мне делать?! Что мне сделать, чтобы...

Он не слышал ответа. Невидимая нить истончалась, грозила лопнуть. Она – Ада? Лариса? – чуть повернула голову, и он увидел, что...

Ты не Лариса!!! Ты... ты... Адель-Лучница?

Ответ не прозвучал. Лишь что-то вроде далекого «а-а-а-а» ...

Наваждение исчезло так же неожиданно, как и явилось. Окончательно его развеял обыкновенный до банальности звук – начальные такты популярного шлягера, которые испустил мобильник, висевший на шее Ады. Именно Ады, – сейчас ни с кем другим спутать ее было невозможно.

«Алло? Та-а-ак... Мы же договаривались, Даниил, – в половине одиннадцатого быть дома!.. Ну пеняй на себя...»

Она отключилась, не попрощавшись. И сказала Кравцову, хоть он ни о чем не спрашивал: – Брат. Несносный ребенок...

Он молчал.

– Позвонил, сказал, что... – Она сбилась, посмотрела на него. Спросила другим тоном: – Что-то случилось?

Да, случилось, подумал Кравцов. Много чего случилось. Но тебе, дорогая, этого не понять. Потому что ты не то призрак моей жены, не то персонаж моего же романа... А если

честно, то писатель Кравцов просто свихнулся, так что вызови, пожалуйста, спецмашину, раз уж трубка в руке...

Внезапно он разозлился – на все эти загадки. На всю эту начинающую медленное кружение вокруг бесовщину. Но одну из чертовых загадок он разгадает. Здесь и сейчас.

– Зачем ты меня привела в «Орион»? – спросил он жестко.

– Как... ведь мы же...

Он отчеканил, бессознательно подражая одному из своих героев:

– Зачем. Ты. Меня. Туда. Привела.

– Потому что я хотела посмотреть на тебя! Да! Тот ли ты крутой мужик, что так и лезет из каждой твоей страницы?! Или похож на импотента, пишущего порнографию?!

Она замолчала. Дышала тяжело, прерывисто.

– Посмотрела? Как увиденное? Слабовато против финала «Битвы Зверя», правда? За целый вечер – ни одного трупа, каюсь. Если завтра пригласишь еще куда-нибудь, постараюсь исправиться. Прихвачу пару запасных обойм, и...

Он осекся, остановленный ее движением. Думал: обиделась. Но она улыбалась. И стояла очень близко. Потом сказала тихо:

– Там, в кафе, был вкусный салат... Правда, с луком, и я отказалась... Может, зря? Кравцов, ты вообще-то собираешься целовать меня сегодня?

Ну что тут можно ответить? У писателя Кравцова – редкий случай – слов не нашлось. Да они и не потребовались.

Шли по лесу гномики – I

Ученые-психологи считают, что все люди делятся на экстравертов и интровертов. Говоря упрощенно, первые жить не могут без компании, а в одиночестве скучают, хиреют, не знают, чем заняться, и испытывают склонность к суициду. Интроверты же, наоборот, на любом шумном сборище норовят забиться в дальний угол, сидеть там, не высовываясь, и быстренько уйти по-английски. А вот одиночество никак и ничем их не тяготит.

Андрей Гносеев, с малых лет известный как Гном, всех этих научных тонкостей не знал. И наверное, поэтому не был ни экстравертом, ни интровертом. Либо наоборот – был ими одновременно, в равной степени.

Он вполне уверенно чувствовал себя в мальчишеской компании. Не стал там, правда, заводилой и душой общества, но наравне со всеми, ничем не выделяясь, участвовал в затеваемых другими развлечениях.

Но точно так же мог проводить целые дни в одиноких играх.

Игры у него были странные.

– Пошли ко мне, – зачастую говорила его мать случайным собутыльникам (тогда Марьяна Гносеева пила еще не в одиночку). – Пошли, пошли, мой выродок до ночи на пруду с сачком просидит.

Любовь к сыну ее не тяготила.

Восьмилетний Гном часто сидел на пруду с сачком. У многих жителей Спасовки на задах участков, граничащих с полями, имелись небольшие прудики – для полива да и чтобы ребятишки не убегали слишком далеко искупнуться или поудить карасиков. У одних – большие, от войны оставшиеся воронки, другим водоемы выкапывал совхозный экскаваторщик, нанятый за бутылку.

Сетка сачка, сделанная из старого тюля, скользила среди подводных джунглей и захватывала в плен их обитателей. Пленных ждала незавидная судьба. У Гнома незаурядная изобретательность сочеталась с полным отсутствием детского умиления щеночками-котятками-птичками-рыбками. Что уж говорить о тритонах, водяных жуках и личинках стрекоз,

В сумерках наступала кульминация ловли. Гном снимал крышку с алюминиевого бидон-тюрьмы и приступал к судилищу. Возможный приговор существовал один, но способы его исполнения самые оригинальные. Поначалу механические, с использованием всевозможных оставшихся от отца инструментов, и огненные – мать и соседи без удивления и тревоги смотрели на пылающий у пруда костерок, мальчишки любят живой огонь, далеко от строений – и ладно.

Позже Гном открыл существование великой науки химии – не считая труда, лишь по этому предмету он прилично успевал в школе. Знания его простирались куда шире школьной программы. Едкие кислоты и щелочи, примененные к пленникам как внутренне, так и наружно, оказались гораздо забавнее банального расчленения. Использование самодельного термита придавало огненным казням новое качество.

Странно, но Гном как-то разделял интро – и экстравертивные стороны жизни. И ни разу не предложил в компании коллективно заняться своими одинокими играми. Конечно, мальчишки-сверстники тоже порой практиковали жестокие развлечения с животными, но достаточно случайно, нерегулярно, не делая из этого целую науку. Гном старался держаться от дилетантских опытов в стороне. Может, поэтому никогда не был схвачен за руку.

С годами хобби прогрессировало. Жуки и тритоны остались в прошлом. Появились мыши – Гном нашел на свалке мышеловку-клетку, не убивающую пленниц, и сделал по ее образцу несколько таких же. Потом птицы – для их поимки живьем он разработал целый ряд оригинальных конструкций – две или три оказались вполне работоспособными.

Свою первую кошку он сжег на тринадцатом году жизни. Обдумав предстоящую операцию медленно и обстоятельно (быстротой мышления Гном не отличался), он просчитал все: и способ ловли; и метод казни – не слишком быстрый, чтобы все хорошо рассмотреть и запомнить; и укромное место. И все равно чуть не попался. Не учел звуковые эффекты. Мышиный писк или истошное птичье чириканье не привлекают подозрительного внимания, тритоны и жуки вообще безгласны. Кошачьи же вопли разносились по округе так долго и с такой пронзительностью, что Гном сквозь них в самый последний момент услышал треск кустов и встревоженные голоса людей. Ноги удалось унести чудом.

Проблема требовала решения – оборванное на самом интересном месте развлечение понравилось Гному. Разрешил он ее глобально, с размахом, потратив на это несколько месяцев.

За полем, примыкавшим к их огороду, километрах в четырех, находилось место, называемое пацанами иногда «болотцем», иногда «леском», – торфяник, кое-где пересеченный отводящими воду канавами. По обширной территории густо росли невысокие, чахлые деревца, и поблескивали зеркалами воды небольшие водоемы-карьерчики – раньше на «болотце» добывали торф, потом забросили. Глубина карьерчиков казалась невелика, редко больше метра, но в дно, состоящее из торфяной жижи, длинная жердь уходила почти без сопротивления.

Люди – и пацаны, и взрослые – в «леске» бывали редко. Клюква здесь не росла, из грибов попадались лишь сыроежки – рыхлые, водянистые, почти сплошь червивые. Караси же – темные, почти черные, обитавшие в карьерчиках, на удочку отчего-то не клевали, а от надвигавшегося бредня немедленно зарывались в топкое дно.

Но Гном решил застраховаться и от случайных пришельцев. Свою базу он оборудовал на островке. С трех сторон его окружала вода самого большого карьера, с четвертой – непроходимая топь.

Именно через нее Гном проложил узкую и извилистую гать – проложил с умом, скрытно. Доски и бревна совершенно не выступали над болотной жижей. К началу гати Гном подходил каждый раз новым путем – чтобы не натоптать тропинку. Не зная секрета, на Кошачий остров попасть было невозможно.

Возведенный на острове капитальный шалаш и любовно оборудованное место казни с весьма замысловатыми устройствами скрывались за кустами, в самом центре полянки. Отходы предполагалось топить в болоте. Оставалась проблема бесшумной поимки и транспортировки кошек на остров. Здесь на помощь пришла старая добрая химия. Вернее сказать, действовал Гном методом алхимиков, последовательно пробуя на соседской кошке содержимое аптечки. . .

К августу подготовительные работы завершились. Кошачий остров ждал первую жертву. Но еще до того, как она появилась, в жизни Гнома произошло нечто, придавшее новый смысл его развлечениям.

Глава 4

30 мая, пятница, утро, вечер

1

Кравцов не хотел, совсем не хотел приближаться к руинам – из-за старых мрачных историй и из-за свежего происшествия с Вале́й Пинегиным, – но зачем-то пошел туда. Пошел утром, часа через два после рассвета.

На утреннем небе творилось нечто непонятное.

Затяжной дождь шел позавчера весь день, и Кравцов провел его безвылазно в своем вагончике, за компьютером, – сочинил, для разминки и тренировки, небольшой, около авторского листа объемом, триллер о летучей мышши-мутанте. Тренировка прошла более чем успешно. Писалось легко, как встарь. Тем более что Кравцов знал – уж *этого* персонажа повстречать в реальной жизни не придется. Летучие мыши, к слову, в графских развалинах не гнездились – надо думать, из-за отсутствия перекрытий.

Следующий день – вчерашний – выдался сухим, хотя тяжелые тучи ползли по небу, собираясь разродиться дождем, но так и не разродились, Кравцов съездил в город и вернулся обратно посуху.

Сегодня же тучи побледнели, больше не выглядели налитыми влагой, кое-где в них появились белесые разрывы.

Сквозь один из таких разрывов пыталось светить солнце. Само оно не виднелось, но его лучи, проходя через сероватую небесную пелену, приобрели неприятный желтый оттенок – и как-то передавали его всему, на что попадали. Неуловимая желтизна примешивалась ко всем окружающим краскам.

Казалась, что мир снят камерой с установленным светофильтром – и Кравцов смотрит сейчас кино. Немое кино – звуки в этой странной желтизне вязли не менее странным образом. Они должны были доноситься до руин – рев грузовиков, штурмующих шоссе, взбирающееся на Попову гору; шумы фабрики «Торпедо», где началась уже смена; прочие звуки рано просыпающегося села, – но не доносилось ничего.

Похоже, весь мир существовал сегодня чуть в другом измерении, чем графские развалины, – и акустические колебания не могли преодолеть желтоватый разделительный барьер. Люди тоже – Кравцов не видел никого на дорожках и тропках, протоптанных через бывший парк.

Он подошел к дворцу почти вплотную – но почему-то не решался ступить на груды, спрессованную из суглинка, битого кирпича, еще каких-то мелких обломков, – по ней можно было легко войти внутрь через зияющий проем не то боковой двери (остатки портика главного входа находились в стороне), не то громадного окна.

Здание выглядело спокойным и мирным. А может быть, просто *выжидающим*. Кравцову казалось, что он слышит негромкий голос: *ну что же ты остановился? не бойся, заходи, сюда заходят многие, и некоторые даже выходят обратно ...*

Он сделал шаг, второй, третий... – и оказался внутри. Почти внутри – остановился в нише окна (или все же двери?) – как на последнем рубеже, с которого можно повернуть обратно. И внимательно смотрел в чрево каменного монстра – словно надеялся разом увидеть там ответы на загадки последних дней.

Все внутри походило на то, что сохранилось в его воспоминаниях, и в то же время выглядело иначе. Кравцов прекрасно знал, что в детстве предметы и места кажутся всегда больше и обширнее, чем увиденные позже, глазами взрослого.

Люди смотрят и удивляются: неужели эта лужайка двадцать лет назад представлялась им широким полем? Неужели эта смешная оградка была таким высоким и непреодолимым препятствием?

Он знал это – и все равно поразился тому, как выглядели изнутри графские развалины. Дворец казался БОЛЬШЕ ПРЕЖНЕГО.

Кравцов готов был поклясться, что мальчишкой, встав на цыпочки, мог дотянуться до свода оконной ниши, где сейчас стоял. Теперь не стал и пытаться проделать это с вымахавшим до размеров двери окошком...

Проем увеличился, разрушаясь? Сохранив ту же правильную форму?

Ерунда.

Скорее он просто перепутал вход. Хотя казалось, что в детстве они лазали именно через это отверстие. Конечно, перепутал, пятнадцать лет прошло все-таки... Впрочем...

Он поднял глаза. Перекрытый над головой не было, он скользил взглядом по стене второго этажа – там, как и на первом, участки с сохранившейся желтовато-белой штукатуркой чередовались с красно-черными пятнами обнажившегося кирпича. Кравцов прекрасно знал, куда надо смотреть, но не спешил перевести взгляд. Неторопливо вглядывался в надписи, сделанные краской. И старые, с трудом читаемые, и новые – эти, по всему судя, делались баллончиками-распылителями. Полезное новшество, карабкаться наверх с банкой и кистью труднее и опаснее...

Граффити оказались достаточно убористые – особо не размахнешься, стоя на крохотном уступчике и цепляясь за едва заметную выбоинку... Но на чистом месте – очень высоко, почти под гребнем – в гордом одиночестве темнели шесть больших, широко расставленных букв.

НАТАША

Изобразил их, конечно же, Динамит... Никому другому пороку на это не хватило бы, – мысленно скаламбурил Кравцов, но не улыбнулся – даже мысленно.

Сомнений у него почти не осталось. Но все же он перевел взгляд чуть левее. Там надпись была поменьше, поуже, но располагалась так же высоко.

ТАНЯ

84 г

Сделал ее Кравцов – не зря его прозвали Тарзаном. Ему было четырнадцать, а Танька стала первой девчонкой, с которой он целовался и чуть не потерял девственность – не сложилось лишь вследствие глубочайшей неопытности обоих...

Ностальгических воспоминаний надпись не вызвала. Но доказала: никакой ошибки нет. Место *то самое*.

Кравцов поднял голову. Полукруглый свод оконной ниши навис высоко над головой. Свод, до которого в детстве он мог дотянуться рукой. Раствор выкрошился из щелей между кирпичами – они казались почерневшими, гнилыми зубами во рту старика, готовыми в любую секунду выпасть...

Тишина терзала уши.

На секунду он пожалел, что не запасся строительной каской. Но остался стоять, где стоял, вновь переведя взгляд внутрь. Большая комната – или небольшая зала – явно стала длиннее и шире за минувшие годы. И – выше. В те давние времена приходилось изрядно постараться, чтобы найти чистое место для автографа, – если недоставало смелости или дурного азарта лезть на самую верхотуру с риском сломать шею. Сейчас промежутков хватало. Притом что многие старые надписи поблекли, выцвели, но никто их не стирал, – наоборот, появились новые. Но свободных мест СТАЛО БОЛЬШЕ.

Кравцов мог дать руку на отсечение – что ее, руки, раньше вполне хватало, чтобы дотянуться от его граффити до буквы «Н» в слове НАТАША. Ныне их разделяло не менее двух метров.

ДВОРЕЦ ВЫРОС.

Невидимое солнце неожиданно нашло новую прореху в тучах, руины залила давешняя желтизна – как парадная иллюминация в честь возвращения долгожданного владельца. Почему-то в этом освещении перестали быть видны валяющиеся кое-где пластиковые бутылки и пивные банки, еще какой-то мусор... *Заходи, заходи, вот ты и вернулся, и здесь все готово к встрече... Заходи!!!*

Он ждал меня все эти годы, понял Кравцов.

ЖДАЛ И РОС.

Спокойно, сказал Кравцов-скептик. Память – вещь менее прочная, чем кирпичные стены. Здесь все *так и было*. А ты просто *забыл*. Забыл за эти годы...

Кравцов-мистик откликнулся напряженным и звенящим внутренним голосом: *уходим отсюда, немедленно уходим*.

Скептик, вопреки обыкновению, не стал спорить.

Кравцов развернулся, спустился с глинисто-кирпичной насыпи и быстро пошел. Причем не кратчайшим путем к вагончику – не по тропинке, ведущей вдоль фасада. Стал проламываться сквозь молодые, в половину его роста деревца, подступающие к развалинам. Кравцову хотелось немедленно оказаться как можно дальше от этого места.

Но далеко он не ушел.

Далеко уйти ему *не дали*.

2

В мир ворвались звуки – громкие, хриплые, яростные. Кравцов не сразу понял, что это воронье карканье.

Огляделся – ворон вокруг собралось множество. Некоторые птицы сидели на ветвях старых лип, на земле, на выступах дворца. Но большей частью вороны кружились в воздухе. Прямо над головой Кравцова. И все орало.

Он остановился. Знал, что ворон здесь гнездится много – и на липах парка, и поблизости, на деревьях кладбища. Но до сих пор они вели себя достаточно незаметно.

Одна из птиц перешла в крутое пике – направленное, казалось, прямо в лицо Кравцову. Он инстинктивно пригнулся, но метрах в четырех ворона круто взмыла вверх. Через секунду вторая повторила тот же маневр. Третья оказалась наглее – пролетела совсем низко над головой, он даже почувствовал движение воздуха от крыльев.

Кравцов опустил глаза, решив подобрать несколько кирпичных обломков. Вороны – птицы умные и осторожные. Порой достаточно сделать вид, что нагибаешься за камнем, чтобы стайка встала на крыло и отлетела на безопасное расстояние.

Мелкие обломки сквозь густую растительность не виднелись. За ними надо было возвращаться к дворцу. Кравцов сделал туда два шага – и отдернулся от яростной атаки четвертой вороны. Эта прошла вообще впритирку. Он подумал: коллективный привет писателю Кравцову от Дафны Дюморье, Стивена Кинга и Андрея Лазарчука... Подумал со слегка растерянной шутливостью, страха не было, он увидел наконец сквозь траву несколько камней и понял, что сейчас разгонит этот птичий базар.

Не успел.

Не успел поднять камень с земли – сильный удар обрушился сзади и сбоку. Резкая боль за ухом разъярила.

Проклятая тварь!

Карканье казалось торжествующим. Очередную ворону, налетающую спереди, он ударил кулаком – так бьет футбольный голкипер по летящему в ворота мячу. Почувствовал, как хрустко подается птичье тельце, но результатов удара разглядеть не успел – с двух сторон атаковали сразу две птицы. Одну Кравцов зацепил легонько, лишь скользнув по перьям. Вторая, напуганная его резкими движениями, отвернула.

Но за камнями не нагнуться, не рискуя получить новый удар клювом в затылок.

Если бросятся все разом – заклюют, понял Кравцов. Точно так же, как заклеывают беспомощных молодых зайчат... И понял другое – не бывает. Не должны эти хитрые осторожные птицы так нападать на человека.

ЭТО ОЧЕРЕДНОЙ КОШМАР.

Он не просыпался, не вставал и не совершал прогулку к развалинам. Он спит в своем вагончике. И неплохо бы поскорее проснуться...

На поиски выхода из кошмара времени не оставалось – птицы атаковали. Хорошо еще, что по одной-две, не всей кучей. А если сменят тактику?

Затылок продолжал болеть, Кравцов коснулся его – пальцы оказались в крови. Проклятые твари...

Сон это или явь – надо отступать под прикрытие развалин.

Но не хотелось.

Громкий крик – откуда-то сзади – перекрыл вороны вопли.

– Пригнись!!! Ниже голову!!!

Боевые команды Кравцов привык выполнять, не задумываясь. А обстановка вокруг, честно говоря, напоминала боевую. Атака с воздуха, в которой он не слишком успешно играл роль зенитного дивизиона.

Нагибаться, подставляя затылок, не стал, но мгновенно присел, продолжая сканировать воздушное пространство.

Над головой что-то свистнуло – и ударило в пикирующую ворону. Птица закувыркалась, теряя перья. Но вышла из штопора и полетела в сторону, неуклюже переваливаясь. Если можно лететь, хромая, то летела она именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.